

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Е
**Юридические
науки**

1/2023

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального
университета. Серия Е: Юридические науки»**

Главный редактор – д.ю.н., доцент, профессор, зав. кафедрой административного и финансового права **Е. М. Сынкова**.

Зам. главного редактора – к.ю.н., доцент **Н. В. Асеева**.

Ответственный секретарь – к.ю.н., доцент **Н. А. Тимошенко**.

Технический секретарь – специалист-редактор 1 категории **А. К. Ярошенко**.

Члены редколлегии: – к.ю.н., доцент **Е. А. Матвиенко**; к.ю.н., доцент **Е. Ю. Краснонос**; к.ю.н., доцент **М. П. Тишаков**; к.ю.н., доцент **О. В. Никольская**; к.ю.н., доцент **Л. Ю. Одегова**; к.ю.н., доцент **Е. Н. Дорошева**; к.ю.н., доцент **С. Н. Пашков**; к.ю.н., доцент **Е. В. Цыба**; к.ю.н., доцент **В. Н. Швайковская**; к.ю.н., доцент **Е. В. Горбатенко**; к.ю.н., доцент **А. В. Ефремова**; к.ю.н., доцент **Л. А. Семькина**; к.ю.н., доцент **Н. В. Семькин**; к.ю.н., доцент **О. А. Левендаренко**; к.ю.н., доцент **Э. Е. Манивлец**; к.ю.н., доцент **С. Н. Меркулов**; к.ю.н., доцент **Т. В. Тютюнник**; к.ю.н., доцент **Г. А. Хань**; к.ю.н., доцент **А. И. Журба**; д.ю.н. **С. В. Лихачев**; к.ю.н., доцент **Д. С. Каблов**; к.ю.н., доцент **И. К. Василенко**; к.ю.н., доцент **В. Ю. Поляков**; к.ю.н., доцент **Н. А. Бардашевич**; к.ю.н., доцент **Е. В. Кулакова**.

**The Editorial Board of the journal «Bulletin of Donetsk National University.
Series E: Legal science»**

Editor in Chief – Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Head. Department of Administrative and Financial Law **E. M. Synkova**.

Deputy Editor-in-Chief – Candidate of Laws, Associate Professor **N. V. Aseeva**.

Executive Secretary – Candidate of Laws, Associate Professor **N. A. Timoshenko**.

Technical Secretary – 1st category editor **A. K. Yaroshenko**.

Members of the editorial board: - Ph.D., Associate Professor **E. A. Matvienko**; Candidate of Law, Associate Professor **E. Yu. Krasnonosov**; Candidate of Law, Associate Professor **M. P. Tishakov**; Candidate of Law, Associate Professor **O. V. Nikolskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **L. Yu. Odegova**; Candidate of Law, Associate Professor **E. N. Dorosheva**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Pashkov**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Tsyba**; Candidate of Law, Associate Professor **V.N. Shvaykovskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **E.V. Gorbatenko**; Candidate of Law, Associate Professor **A.V. Efremova**; Candidate of Law, Associate Professor **L. A. Semykina**; Candidate of Law, Associate Professor **N. V. Semykin**; Candidate of Law, Associate Professor **O. A. Levendarenko**; Candidate of Law, Associate Professor **E. E. Manivlets**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Merkulov**; Candidate of Law, Associate Professor **T. V. Tyutyunnik**; Candidate of Law, Associate Professor **G. A. Han**; Candidate of Law, Associate Professor **A.I. Zhurba**; Doctor of Law **S. V. Likhachev**; Candidate of Law, Associate Professor **D.S. Kablov**; Candidate of Law, Associate Professor **I. K. Vasilenko**; Candidate of Law, Associate Professor **V. Yu. Polyakov**; Candidate of Law, Associate Professor **N. A. Bardashevich**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Kulakova**.

Адрес редакции: ФГБОУ ВО «ДонГУ», ДНР, 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Тел.: +7(949) 36-707-35

E-mail: jur.conf@donnu.ru; redact@donnu.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

Журнал включен в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Лицензионный договор № 463-11/2019 от 14.11.2019 г.): https://www.elibrary.ru/title_about.asp?id=74221

*Печатается по решению Ученого совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 12 от 22.12.2023 г.*

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Е: Юридические науки

№ 1/2023

СОДЕРЖАНИЕ

Барбашова Н. В., Махортов С. П.

К вопросу о влиянии процесса внедрения технологий
искусственного интеллекта в судебную систему
на обеспечение национальной безопасности государства..... 3

Бондарь Н. А.

Тенденции развития правового регулирования
клонирования в Российской Федерации 13

Erokhina Yu.

Cancel culture: xenophobia and xenophilia online using
Russia as an example 21

Косач Н. Е.

Теоретико-правовые аспекты функционирования системы
Государственного управления 47

Лебедь Н. А.

Институт исковой давности и проблема защиты
нарушенных прав в гражданском праве 54

Лещенко И. И., Свиридова К. Е.

Роль эмигрантов в информационной войне (на примере
американо-чехословацких отношений 1950-х гг.) 62

Соловьёва Ю. А.

Сотрудничество государств по противодействию
киберпреступности в рамках региональных
международных организаций 72

Цыба Е. В.

Проблема уклонения от уплаты налогов и способы ее
предотвращения 81

Правила для авторов 90

Bulletin of Donetsk National University

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Series E: Legal sciences

№ 1/2023

CONTENTS

Barbashova N., Makhortov S.

On the issue of the impact of the process of introducing
artificial intelligence technologies into the judicial system
on ensuring the national security of the state..... 3

Bondar N.

Trends in legal regulation of cloning in the Russian Federation.... 13

Erokhina Yu.

Cancel culture: xenophobia and xenophilia online using
Russia as an example 21

Kosach N.

Theoretical and legal aspects of functioning public
administration systems..... 47

Lebed N.

Institute of limitation and the problem of protection
of violated rights in civil law 54

Leshchenko I., Sviridova K.

The role of emigrants in the information war (on the example
of the American-Czechoslovak relations of the 1950s)..... 62

Solovyova Ju.

Cooperation between states to combat cybercrime within
the framework of regional international organizations 72

Tsyba E.

The problem of tax evasion and ways to prevent it 81

Guidelines for authors..... 90

УДК 004.8

Барбашова Н. В.
Махортов С. П.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ПРОЦЕССА ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНУЮ СИСТЕМУ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

В статье рассмотрены особенности интеграции технологий искусственного интеллекта в процессе отправления правосудия и обеспечения судебного делопроизводства. Осуществлен анализ рисков и достоинств данного процесса в контексте обеспечения национальной безопасности государства. Рассмотрены разграничения цифровых технологий и алгоритмов искусственного интеллекта в деятельности судебной системы.

Ключевые слова: национальная безопасность, искусственный интеллект, отправление правосудия, обеспечение судебного делопроизводства.

Искусственный интеллект стал революционным изобретением ученых в области имитации когнитивных функций человека. Очевидны преимущества воплощения алгоритмов искусственного интеллекта в правовую действительность государств. Вместе с тем, стоит учитывать риски, которые могут стать следствием внедрения искусственного интеллекта в наиболее значимые сферы деятельности государства. Особенностью искусственного интеллекта является замена мыслительной и познавательной деятельности человека, что при принятии решений существенно экономит время и человеческий ресурс.

Судебная система является важнейшим элементом обеспечения национальной безопасности, поскольку эффективность её деятельности определяет защищенность каждого гражданина, государственных и общественных интересов. Таким образом, крайне значимым в условиях современной действительности, представляется анализ степени влияния

технологий искусственного интеллекта на эффективность работы судебной системы, как важнейшего элемента обеспечения национальной безопасности. Целесообразно отметить, что учеными высказываются крайне противоположные позиции по данному вопросу, что актуализирует выбор темы представленного исследования.

Недостаток исследований в правовой доктрине, несовершенство существующих механизмов правового регулирования, а также революционность технологий искусственного интеллекта, определяют научную новизну данной работы.

Вместе с тем, следует отметить широкие возможности и безграничный потенциал внедрения технологий искусственного интеллекта в сферы деятельности государства и общества. В частности, широкие дискуссии были подняты в части внедрения искусственного интеллекта в сфере обеспечения национальной безопасности, отправления правосудия, промышленности, военной отрасли и т.п.

В настоящее время, технологии искусственного интеллекта в Российской Федерации нашли свое применение в виде экспертных систем, робототехники, систем технического зрения, информационно-аналитических систем. Согласно Указу Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», принципами развития и использования искусственного интеллекта является:

- обеспечение защиты граждан и государства;
- безопасность граждан;
- технологический суверенитет;
- поддержка конкуренции и т. д. [1]

Таким образом, внедрение технологий искусственного интеллекта в РФ не должно создавать риски для обеспечения национальной безопасности. Согласно стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683, национальная безопасность – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Включает в себя оборону страны и все виды безопасности и прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности [2].

Стоит отметить наличие многочисленных дискуссий в правовой доктрине, законодательной и правоприменительной сферах,

относительно реализации технологий искусственного интеллекта в повседневную деятельность органов государственной власти. Представляются очевидными как достоинства, так и недостатки такого развития и совершенствования форм осуществления правоприменительной деятельности.

Таким образом, целесообразно определить, способны ли достоинства внедрения искусственного интеллекта «закрыть» существующие риски и недостатки обеспечения национальной безопасности.

Следует отметить, что в современной России сформирована электронно-информационная среда, которая обеспечивает доступ каждого лица к тем или иным услугам, предоставляемым органам государственной власти. Наиболее явно данное утверждение выражено в сфере обеспечения права на правосудие. Очевидно, что эффективность работы судебной системы, соответствие выносимых решений суда принципам справедливости, обоснованности, законности и т.п., является обязательным элементом обеспечения национальной безопасности, в связи с чем, анализ состояния и возможностей внедрения искусственного интеллекта в процесс отправления правосудия, актуален для представленного исследования.

Так, отметим выступление на Совете судей России бывшего Председателя Верховного суда России Вячеслава Лебедева от 25.05.2023, на котором была подчеркнута востребованность цифровых технологий в судопроизводстве. Наличие автоматизированных цифровых систем позволило подать за первый квартал 2023 года в электронном виде 2,3 миллиона документов, а количество запросов пользователей к ГАС «Правосудие» превысило 4 миллиарда. Данные показатели лишь малая часть достижений судебной системы РФ за последние годы в сфере цифровизации обеспечения судебного делопроизводства.

При анализе аналогичного вопроса, К. В. Шундилов отмечал, что перечисленные и иные новации в судебной системе представляют собой цифровизацию процессуальной формы, которая способствует внедрению современных информационных технологий в традиционные алгоритмы обеспечения судебного делопроизводства, что приводит к возникновению новых как для правоприменителей, работников судебной системы, так и для граждан, технических возможностей [3, с. 317].

Очевидно, что такие технологии позволяют справляться с большей нагрузкой на судебную систему. В подтверждение этому, считаем

целесообразным отметить, что всё чаще в терминологическом обороте, в трудах ученых-процессуалистов встречаются такие понятия, как «электронное обеспечение правосудия» или «информатизация деятельности суда».

Вместе с тем, не следует смешивать содержание технологий искусственного интеллекта и процесса информатизации деятельности суда. Только в разграничении данных категорий лежит возможность объективной характеристики современных процессов совершенствования судебного делопроизводства в РФ. Справедливо указать на тот факт, что понятие искусственного интеллекта в отечественной и зарубежной доктрине не является устоявшимся. Ни нормативные правовые акты, ни положения трудов ученых не позволяют в настоящее время сформировать единообразное понимание искусственного интеллекта. Отметим, что ключевой характеристикой искусственного интеллекта является замещение умственных и познавательных навыков человека в процессе той или иной деятельности.

Рассмотрим отдельные понятия искусственного интеллекта, закрепленные в нормативных правовых актах, а также в доктрине. Одним из наиболее полных и развернутых определений в правовой доктрине, было дано П. М. Морхат, который под искусственным интеллектом понимал полностью или частично автономную самоорганизующуюся компьютерно-аппаратно-программную виртуальную или киберфизическую, в том числе био-кибернетическую, систему (юнит), наделённую/обладающую способностями и возможностями:

- антропоморфно-разумных мыслительных и когнитивных действий, таких, как распознавание образов, символьных систем и языков, рефлексия, рассуждение, моделирование, образное мышление, анализ и оценка;

- самореферентности, саморегулирования, самоадаптирования под изменяющиеся условия, самоограничения;

- самоподдержания себя в гомеостазе;

- генетического поиска, накопления информации и опыта;

- обучения и самообучения;

- самостоятельной разработки и самостоятельного применения алгоритмов самоомологации;

- самостоятельной разработки тестов под собственное тестирование, самостоятельного проведения самотестирований и

тестирований компьютерной и, при возможности, физической реальности [4, с. 69].

Действующее российское законодательство также содержит определение искусственного интеллекта. Так, в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» указано, что ИИ представляет собой комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [2].

Для сферы правосудия, вопросы замещения умственной и познавательной деятельности человека являются чрезвычайно болезненными и требующими детального осмысления и регулирования, при принятии решения об их внедрении. На протяжении многих веков формировалось представление о том, что отправлением правосудия возможно исключительно человеком, который обладая внутренним убеждением, набором морально-нравственных убеждений, будет способен разрешить тот или иной спор в рамках закрепленных в процессуальном законодательстве принципов и правовых предписаний. Однако технологии искусственного интеллекта, с первого взгляда, разрушают данное представление, в связи с чем, данный вопрос подлежит детальному исследованию.

Вместе с тем, ряд ученых высказывают предположение о невозможности игнорирования технологий искусственного интеллекта и в работе судебной системы. В частности, П. Н. Бирюков указывает в своем исследовании, что научно-технический прогресс и технологии искусственного интеллекта в той или иной степени неизбежно станут элементом системы правосудия [5, с. 83].

Достаточно красноречивым высказыванием выделился в своем труде И. Н. Глебов, указав, что парадигма развития человечества ведет к переходу «от юриспруденции человеческих ошибок, слабостей и страстей к беспристрастной математически точной юриспруденции – неотвратимой, единообразной, повсеместной и безупречной законности» [6, с. 225].

Однако представленное исследование следует осуществлять не в рамках научной фантастики с элементами прогнозирования, а в рамках

складывающейся ситуации в настоящее время, с учетом норм действующего законодательства и конкретных технологий искусственного интеллекта. В настоящее время существует ряд проблем, которые сковывают процесс интеграции технологий искусственного интеллекта в процессы отправления правосудия и обеспечения делопроизводства. В частности, речь идёт о непрозрачности и невалидируемости алгоритмов работы систем искусственного интеллекта, ошибках и неточности результатов их применения, утечки персональных данных, грубом нарушении принципов оценки доказательств и т.п. Справедливо указать, что большие средства вкладываются в развитие алгоритмов искусственного интеллекта, что способствует развитию законодательной базы данной отрасли.

Так, явным примером, подтверждающим данное утверждение, является принятие в декабре 2018 года Европейской комиссией по эффективности правосудия Европейской этической хартии по применению искусственного интеллекта в судебных системах и в связи с ними. В п. 81 данной хартии указано, что обзор работ Лондонского университетского колледжа по решениям Европейского суда по правам человека свидетельствует, что простая автоматическая модель обучения способна предсказать исход дела с точностью 79 % для конкретного суда. Модель машинного обучения оказалась более точной в отношении описательной части фактов изученных решений, чем в отношении аргументации, связанной с применением Конвенции в данном случае. Таким образом, зарубежное законодательство осуществляет поиск моделей интеграции технологий искусственного интеллекта в систему отправления правосудия и обеспечения судебного делопроизводства, опираясь на ряд исследований, проводимых учеными различных областей [7].

Основным препятствием развития отечественного рынка технологий искусственного интеллекта является недостаток правовой регламентации, в сравнении с зарубежными странами. Однако следует отметить и положительные аспекты развития данного направления в отечественной действительности. Так, в 2021 году был проведен опытный эксперимент на территории Белгородской области. На нескольких участках мировых судей была применена технология искусственного интеллекта, которая позволила составить проекты судебных приказов о взыскании задолженности по имущественным, земельным и транспортным налогам. В данном случае, были

использованы технологии «слабого искусственного интеллекта», которые не замещали познавательные и умственные навыки человека, а лишь стандартизировали функции по проверке соответствующих реквизитов и подготовки проектов документов.

Иными словами, предоставленное заявление о вынесении судебного приказа о взыскании задолженности, а также приложения к нему не подлежали оценке алгоритму искусственного интеллекта. В данном случае, были выполнены технические функции по составлению проекта судебного приказа, без замещения деятельности судьи по оценке предоставленных заявителем доказательств. Также при проведении данного опытного эксперимента было отмечено, что алгоритм искусственного интеллекта являлся отечественным продуктом, закрытой системой, на работу которой невозможно повлиять.

Вместе с тем, отечественная практика знает и иные примеры интеграции технологий искусственного интеллекта в систему правосудия. Так, 23–25 мая 2023 года, на проходившем Совете судей России, его председатель Виктор Момотов озвучил новость о запуске суперсервиса «Правосудие онлайн», в котором будут реализованы технологии «слабого» искусственного интеллекта, который позволит определять подсудность дела, рассчитывать госпошлину, а также стандартизировать формы исковых заявлений. Основной задачей станет автоматизация процесса составления проектов судебных актов на основе анализа текста процессуального обращения и материалов судебного дела.

Изложенное в совокупности позволяет перейти к анализу складывающейся ситуации в судебной системы с позиции обеспечения национальной безопасности, которая невозможна без эффективной и независимой судебной системы.

По нашему мнению, интеграция в деятельность судебной системы технологий искусственного интеллекта возможна, однако ключевым критерием такого процесса должна стать безопасность алгоритмов от внешних воздействий. Иными словами, в отношении технологий, внедренных в процесс отправления правосудия и обеспечения судебного делопроизводства, должна быть установлена система ограничений, основанных на невозможности нарушения работы алгоритмов искусственного интеллекта. Также считаем целесообразным отметить, что исследуемые технологии должны стать факультативным механизмом, способствующим отправлению правосудия, а не

замещающим деятельность судьи. Полная замена деятельности человека невозможна, поскольку при возникновении нарушений в работе алгоритма, возникнет риск прекращения работы органа судебной власти.

Повсеместное внедрение технологий искусственного интеллекта приведет не только к позитивным изменениям в отдельных сферах жизни государства и общества, но и создаст определенные угрозы. Так, например, Н. И. Попова указывает, что в настоящее время предсказать поведение и вектор принимаемых решений искусственного интеллекта невозможно при применении уникальных форм манипуляций, при удачном осуществлении кибератаки, при воздействии разрушительных и обманчивых атак [8].

Следует согласиться с данной позицией, поскольку РФ находится в сложных политических отношениях с рядом государств, которыми могут быть предприняты попытки кибератак, направленные на нарушение алгоритмов работы технологий искусственного интеллекта. Внедрение таких технологий должно осуществляться с учетом возможным риском. Решение данного вопроса может лежать в контексте придания решениям искусственного интеллекта рекомендательного характера, когда правоприменителем будет принято решение о реализации предложенного варианта поведения (решения). В частности, подобный характер решения подобных рисков может быть принят в промышленности, при отправлении правосудия, военной и экономической сферах деятельности государствах.

Резюмируя исследование, считаем целесообразным отметить, что внедрение искусственного интеллекта в работу судебной системы может в значительной степени помочь в обеспечении национальной безопасности, однако бесконтрольное и бездумное применение таких технологий будет способствовать разрушительно на отдельные направления деятельности государства и общества. Государством должны быть установлены границы и сферы применения технологий искусственного интеллекта с целью минимизации рисков обеспечения национальной безопасности РФ.

Список источников

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 / СПС «Президент России» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 18.05.2024). – Загл. с экрана.

2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683/ СПС «Президент России». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 18.05.2024). – Загл. с экрана.
3. Шундилов, К. В. Искусственный интеллект в российском правосудии: состояние и перспективы / К. В. Шундилов // Образование и право. – 2023. – № 8. – С. 315–322.
4. Морхат, П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд : учебник / П. М. Морхат ; Институт государственно-конфессиональных отношений и права. – Москва : Ин-т государственно-конфессиональных отношений и права, 2017. – 257 с.
5. Бирюков, П. Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт / П. Н. Бирюков // Lex russica. – 2019. – № 11(156). – С. 79–87.
6. Глебов, И.Н. Искусственный юридический разум// Гуманитарное право. – 2018. – № 2. – С. 223-229.
7. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях: Принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП (Страсбург, 3-4 декабря 2018 года) / СПС «Центр правовой помощи гражданам в цифровой среде». – URL: <https://4people.grfc.ru/analytics-and-legislation/international-and-foreign-acts/international-acts/evropeyskaya-eticheskaya-hartiya-ob-ispolzovanii-iskusstvennogo-intellekta-v-sudebnyh-sistemah-i-okruzhayushih-realiyah/?ysclid=lwc5p0nukj179098541> (дата обращения: 18.04.2024). – Загл. с экрана.
8. Попова, Н. И. Элементы искусственного интеллекта в контексте национальной безопасности / Н. И. Попова, И. В. Локтев // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2022. – № 2. – С. 131–136.

Поступила в редакцию 30.11.2023 г.

ON THE ISSUE OF THE IMPACT OF THE PROCESS OF INTRODUCING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES INTO THE JUDICIAL SYSTEM ON ENSURING THE NATIONAL SECURITY OF THE STATE

This article examines the features of the integration of artificial intelligence technologies into the process of administration of justice and ensuring judicial records management. An analysis of the risks and advantages of this process in the context of ensuring the national security of the state has been carried out. Considered the differentiation of digital technologies and artificial intelligence algorithms in the activities of the judicial system.

Keywords: national security, artificial intelligence, administration of justice, provision of judicial records management.

**Барбашова Наталья
Владимировна**

доктор юридических наук,
доцент, профессор кафедры
административного и
финансового права ФГБОУ ВО
«Донецкий государственный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: n.barbashova@mail.ru

Barbashova Natalia

Doctor of Law, Associate
Professor, Professor of the
Department of Administrative and
Financial Law of Donetsk State
University
DPR, Donetsk
E-mail: n.barbashova@mail.ru

Махортов Сергей Павлович

аспирант юридического
факультета ФГБОУ ВО
«Донецкий государственный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: sergey_maxortov@mail.ru

Makhorov Sergey

Postgraduate student of the Law
Faculty of Donetsk State
University
E-mail: sergey_maxortov@mail.ru

УДК 343.41.

Бондарь Н. А.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КЛОНИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрены модели правового регулирования клонирования в зарубежных государствах. Установлено несовершенство существующих правовых механизмов правового регулирования клонирования в Российской Федерации, а также высказаны предположения, относительно тенденций развития данной сферы правоотношений.

Ключевые слова: клонирование, правовое регулирование, уголовная ответственность, мораторий.

Одним из самых ярких достижений ученых в области науки является клонирование, то есть производство клеток или организмов с теми же нуклеарными геномами, что и у другой клетки организма. Однако, указанное достижение науки представляет и ряд опасностей, с которыми может столкнуться человечество. Актуальность исследования проявляется в изучении религиозного, морального и научного аспекта данной технологии, которые в совокупности и определяют особенности правового регулирования клонирования, как достижения науки, а не как опасности для человечества.

Следует отметить, что ученые ведут многочисленные дискуссии по поводу клонирования, как объекта правового регулирования. В настоящее время, национальное законодательство многих государств предусматривает запрет применения технологий клонирования человека посредством воспроизведения человеческой особи. Данное направление научной мысли именуется репродуктивным клонированием, которое представляется возможным использовать в качестве средства лечения, признается полезным внутри общества. Общественное мнение стало основой для разрешения и правового регулирования терапевтического клонирования. Исходя из изложенного, выбор темы представленного

© Бондарь Н. А., 2023

исследования определяется значимостью клонирования для человечества в целом, а также наличием рисков, связанных с несовершенством правовых предписаний, регулирующих данную сферу правоотношений.

В современной науке выделяют три вида клонирования по методу, а именно:

1) Воспроизведение клеток и цепочек ДНК. Данный вид клонирования положительно воспринимается в большинстве государств, а его ценность признается учеными. Аналогично не возникает проблем и с правовым регулированием данного вида клонирования.

2) Деление эмбриона. Данный вид клонирования в современном мире используется в сфере животноводства и с течением времени приобретает все большую популярность при экстракорпоральном оплодотворении (ЭКО) человека с целью получения наибольшего числа эмбрионов для последующего переноса в организм женщины.

3) Клонирование путем замены ядра клетки. Сущность указанного метода заключается в удалении ядра из донорской клетки и перенос его в яйцеклетку реципиента, у которой удалено собственное ядро. Полученная клетка, развитая искусственно, начинает деление и образует эмбрион, генетически идентичный донорской клетке.

Таким образом, используя такой классификационный критерий, как целью клонирования, представляется возможным разделить клонирование на репродуктивное и нерепродуктивное (терапевтическое). Целесообразно, что целью терапевтического клонирования не является генетическая репликация.

Рассматривая работу Сергеева Д. Н. «Ответственность за манипуляции с геномом человека», мы видим, что достаточно ярким примером использования технологий клонирования человека является эксперимент Хэ Цзянькуя, который является китайским биологом и биофизиком. В ноябре 2018 года ученый заявил, что путем воздействия на ген CCR5 методом CRISPR-Cas9 он смог создать первых в мире людей с искусственно изменёнными генами – двух девочек-близнецов Лулу и Нану, которые, как предполагается, невосприимчивы к вирусу иммунодефицита человека. Однако, не смотря на инновационность результатов исследований, в апреле 2022 года Хэ Цзянькуй был приговорен к трем годам лишения свободы и штрафу в размере трех миллионов юаней за нарушение национального законодательства Китая в области экспериментов с людьми и проведение медицинских процедур без лицензии [1, с. 11].

На сегодняшний день опыты по клонированию продолжают над различными животными (от мышей до обезьян). Например, американская компания «BioArts International» объявила о поточном производстве клонированных собак стоимостью от 50 тысяч долларов. Первый опыт компании о доставке клонированного пса породы лабрадор Ланцелота своим клиентам Нине и Эдгару Отто прошел успешно в начале 2009 г. (за 155 тысяч долларов). Ланцелот умер от рака в 2008 г., его клон был получен из ранее замороженных тканей пса. Южнокорейская биотехнологическая фирма «RNL Bio» собиралась открывать в 2009 г. центр, способный производить до тысячи клонированных собак ежегодно (в городе Ионъин к югу от Сеула, цена строительства – пять миллионов долларов).

В апреле 2009 г. в Объединенных Арабских Эмиратах впервые был клонирован верблюд. Появившаяся на свет самка получила имя Инджаз (Injaz), что означает «достижение» [2, с. 250].

Наездница Чармейн Джеймс заплатила австрийской фирме «ViaGen Inc.» 150 тысяч долларов, чтобы клонировать своего скакового жеребца Скемпера. После четырех неудачных попыток 8 августа 2006 г. на свет появился Клейтон, утверждает компания. Его рождение держали в секрете до 15 ноября 2006 года. Правда, еще за 5 лет до этого Австралия и Новая Зеландия ввели официальный запрет на участие в скачках клонированных лошадей, а также клонированных борзых собак в собачьих бегах.

Таким образом, уже на современном этапе развития технологий клонирования, существуют риски неконтролируемого распространения указанной технологии в целях, которые не соответствуют общественным интересам. Считаем справедливым для достижения поставленных в представленном исследовании целей, рассмотреть особенности правового регулирования клонирования в национальных законодательствах отдельных государств.

Так, одну из наиболее решительных позиций в области правового регулирования клонирования заняла Германия, в которой предусмотрена уголовная ответственность за клонирование человека. Также лицо, проводящее исследование человеческих эмбрионов подлежит уголовной ответственности. Еще в 1985 году в Германии был опубликован доклад, в котором был сделан вывод о необходимости введения ряда ограничений в области искусственного воспроизведения и исследования эмбрионов. Данный доклад стал основой для введения в 1990 году уголовной

ответственности за деяния, связанные с клонированием человека. Многие представители правовой доктрины придерживаются позиции о том, что достаточно жесткая позиция Германии в области правового регулирования клонирования связана с опытом нацизма в середине XX века [3, с. 4].

Исследуя акт парламента Соединенного Королевства «Об оплодотворении человека и эмбриологии», выделим также опыт Великобритании, где законодательство в сфере клонирования позволяет создавать клонированных эмбрионов для исследований. В 1990 году, был принят Акт «Об оплодотворении и эмбриологии человека», положения которого предусматривали, что клонирование путем замены ядра клетки является правонарушением, однако общего запрета на клонирование человека в национальном законодательстве Великобритании не содержится. В указанный закон были внесены изменения в 2004 году, предусматривающие запрет на репродуктивное клонирование. Вместе с тем, не запрещается проведение исследований эмбриональных стволовых клеток человека при условии, что эмбрион уничтожается сразу после завершения эксперимента, но не позднее четырнадцатого дня развития [4, с. 8].

Однозначную позицию занимает законодатель Канады, где действует Закон Канады «О вспомогательной репродукции человека», которым предусмотрен запрет репродуктивного и терапевтического клонирования человека [5, с. 17].

Также актуальным для исследования представляется опыт Республики Молдова в сфере правового регулирования клонирования человека. Так, 18 апреля 2002 года был принят новый УК, в Главе 1 Особенной части которого, была предусмотрена уголовная ответственность за клонирование человека. Преступление законодателем определено, как преступление против мира и безопасности человечества. Так, ст. 144 УК Республики Молдова предусматривает уголовную ответственность за создание человеческих существ путем клонирования, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 7 до 15 лет. Таким образом, следует отметить однозначную радикальную позицию законодателя по данному вопросу [6, с. 48].

Аналогично актуальным для рассмотрения является вопрос о моделях правового регулирования клонирования, которые предполагают специальный порядок разрешения проведения исследований в сфере клонирования человека. В Индии, запрет на проведение репродуктивного клонирования человека был объявлен Советом в сфере медицинских исследований Индии. Рядом правительственных актов

была предусмотрена возможность проведения исследований в области клонирования после рассмотрения каждого конкретного обстоятельства Национальным комитетом по биоэтике.

Обращая внимание на работу Фетюкова Ф. В. «Законодательство о клонировании человека: мировой опыт и правовая модель для современной России», мы видим, что действующее американское законодательство содержит только запрет на финансирование исследований в сфере клонирования, однако отдельные штаты (Нью-Джерси, Калифорния и т.п.) предусматривают возможность осуществления терапевтического клонирования в научных целях [7, с. 88].

Однако не все национальные законодательства государств настолько отрицательно относятся к исследованиям в области клонирования. Так, в Израиле, в настоящее время действует достаточно свободный режим создания и исследования эмбриональных стволовых клеток человека. Обоснованием такого подхода законодательства является именно религиозный аспект. Так, утверждается, что еврейские религиозные учения приводят к концепции исследований эмбриональных стволовых клеток и клонирования как морально беспроблемного направления научной мысли. Однако, клонирование и его исследование в Израиле не является бесконтрольным. Так, с 1999 года в Израиле действует Закон «О моратории на вмешательство в человеческие клетки с целью репликации человека или создания человека с использованием репродуктивных клеток». Аналогичный подход был также реализован в Российской Федерации и Новой Зеландии, где также действует мораторий на исследование и проведение репродуктивного клонирования.

Отдельные Конституции европейских государств также содержат нормы, предусматривающие запрет на клонирование человека. В частности, ч. 1 ст. 119 Конституции Швейцарии предусматривает право каждого на защиту от негативных последствий достижений генетики и репродуктивной медицины. В п. «а» ч. 2 ст. 119 Конституции Швейцарии предусмотрен прямой запрет а применение любых видов клонирования человека и исследовательскую деятельность в данной области. Норма устанавливает запрет на вторжение в генетический код половых клеток и эмбрионов человека [8, с. 85].

В 2004 году было также разрешено терапевтическое клонирование в Японии, а Китай в свое очередь запретил любую деятельность, связанную с клонированием, кроме получения стволовых клеток в биологических и научных целях.

Анализ указанных предписаний национального законодательства различных государств свидетельствует о наличии двух подходов к правовому регулированию клонирования. Так, первый подход присущ таким государствам, как Великобритания, Израиль, КНР и иных государств. Сущность данного подхода заключается в признании высокого эвристического потенциала исследований в области клонирования, в связи с чем, разрешены отдельные направления экспериментов в данной области. Также приведем пример Закона о биоэтике, который был принят в 2010 году и который регламентирует порядок предоставления разрешений на проведение исследований в области клонирования на живых существах. Подобное разрешение выдает Департамент по контролю за этикой научных исследований и Национальный комитет по биоэтике.

Второй подход заключается в том, что лица, проводящие исследования в области клонирования подлежат уголовной ответственности. К таким государствам относятся Испания, Канада, Грузия и др. Однозначность позиций законодателя данных государств основана на осознании опасностей клонирования на современном этапе развития науки.

Вместе с тем, считаем, что наиболее эффективной и оптимальной моделью правового регулирования исследований в области клонирования является рамочное законодательство с надзором регулирующего органа. Регламентация процедур лицензирования и контроля за лицами и организациями, осуществляющими исследования в области клонирования, обуславливает использование законодателем дозволения при разрешительном типе правового регулирования. Говоря о правовой действительности Российской Федерации, отметим актуальность комплексного рассмотрения учеными различных областей вопроса о создании федеральной службы по контролю в сфере генетических исследований и репродукции человека. Стоит признавать риски клонирования, однако не стоит и отрицать положительные аспекты данного направления научной мысли, когда клонирование и результаты его исследования возможно использовать в медицинских целях. Справедливо также считаем указать, что существующая в РФ система правового регулирования исследований в области клонирования нуждается в пересмотре, а отдельные аспекты и вопросы данной сферы правоотношений нуждаются в детальном рассмотрении учеными, которыми должен быть предоставлен комплексный вывод, относительно

развития научных исследований в области клонирования в Российской Федерации.

Подводя итог, считаем целесообразным отметить, что действующая в России модель правового регулирования общественных отношений в области клонирования человека заключается в установлении императивных нормативных построений, которые включает в себе установленный специальным законом мораторий и уголовную ответственность, предусмотренную действующим уголовным законодательством. Основным препятствием для развития основ правового регулирования данной сферы правоотношений в Российской Федерации, по нашему мнению, является недостаточная изученность биологических и социальных последствий, которые могут сопровождать исследования в области клонирования. Отсутствие четкого осознания полезных результатов и возможных негативных последствий таких исследований также является причиной отсутствия разрешительной модели правового регулирования клонирования. Вместе с тем, при преодолении данных препятствий, представится более реальная возможность использования законодателем исключений исследований в области клонирования в виде дозволений при разрешительном типе правового регулирования. Все большую значимость будут приобретать научные исследования полномочий органов государственной власти в данной сфере, которые смогут обеспечить контроль и оказать соответствующие услуги.

Таким образом, исследования в правовой доктрине, посвященные клонированию находятся лишь на стадии зарождения, поскольку учеными в недостаточной степени изучены медицинские, социальные и биологические аспекты клонирования.

Список источников

1. Сергеев, Д. Н. Ответственность за манипуляции с геномом человека (дело Хэ Цзянькуя) / Д. Н. Сергеев // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2019. – № 5. – С. 5–14.
2. Первое клонирование верблюда в ОАЭ от 14 апреля 2009 года № 1241 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.biorf.ru/catalog.aspxcat_id=396&d_no=1163 (дата обращения: 10.10.2018). – Загл. с экрана.
3. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия от 15 мая 1871 года / СПС «Постдам» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.biorf.ru/catalog.aspxcat_id=396&d_no=1163 (дата обращения: 19.05.2023). – Загл. с экрана.

4. Об оплодотворении человека и эмбриологии : Акт парламента Соединенного Королевства 1990 года/ СПС «ResearchGate» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/371292616_The_Human_Fertilisation_and_Embryology_Act_1990_and_Non-Traditional_Families (дата обращения: 19.05.2023). – Загл. с экрана.
5. О вспомогательной репродукции человека : Закон Канады от 29.03.2004 / СПС «Justice Laws Website» [Электронный ресурс]. – URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/a-13.4/FullText.html> (дата обращения: 19.05.2023). – Загл. с экрана.
6. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV / СПС «Юрист» [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 19.05.2023). – Загл. с экрана.
7. Фетюков, Ф. В. Законодательство о клонировании человека: мировой опыт и правовая модель для современной России / Ф. В. Фетюков // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2020. – Т. 24. – № 4. – С. 881–900.
8. Конституция Швейцарии от 18 апреля 1999 года / СПС «legal» [Электронный ресурс]. – URL: <https://legalns.com/download/books/cons/switzerland.pdf?ysclid=lwdw59xsl8538275970> (дата обращения: 19.05.2023). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 30.11.2023 г.

TRENDS IN LEGAL REGULATION OF CLONING IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article discusses the models of legal regulation of cloning in foreign countries. The imperfection of the existing legal mechanisms for the legal regulation of cloning in the Russian Federation has been established, and assumptions have been made regarding the trends in the development of this sphere of legal relations.

Keywords: cloning, legal regulation, criminal liability, moratorium.

**Бондарь Никита
Александрович**
аспирант 1 курса ФГБОУ ВО
«Донецкий государственный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: anananas2012@yandex.ru

Bondar Nikita
Postgraduate student of the 1st
course of Donetsk State
University
DPR, Donetsk
E-mail: anananas2012@yandex.ru

УДК

Erokhina Yu. V.

CANCEL CULTURE: XENOPHOBIA AND XENOPHILIA ONLINE USING RUSSIA AS AN EXAMPLE

Developing Internet communication technologies are expanding the audience of both global culture broadly as well as Russian culture in particular. The world is conceptualized as multicultural and the cyberspace appears to be mosaic, thus indicating the idea of preserving and encouraging cultural diversity that is contributing to the spiritual enrichment of society. At the same time, digital technologies can have a negative impact by means of altering cultural values and restructuring the system of their coding. To be more specific, it leads to a possibility of an interpretation of a fact being distorted, which is why this article analyzes the instances of xenophobia online and beyond. However, in order to objectify the scientific knowledge on the topic of xenophobia, it would be remiss not to examine xenophilia. Xenophobia and xenophilia are two contrasting phenomena that can have a negative effect on human consciousness, harmful both for the one espousing them and the society as a whole. It is important to identify the mechanisms of their interaction, find a potential balance between them, and determine to what extent «foe» becomes «friend» as a result of cultural adaptation. In this regard, the paper deals with the phenomenon of the cancellation of Russian culture as a manifestation of ethnic xenophobia online and offline. An autobiographical method of research is applied when analyzing the instances of xenophobia directed towards the author in her career as an artist with the purpose of objectification of knowledge on the topic of the cancellation of Russian culture. The semiotic method is used to identify the primary and secondary meanings of the new symbols «Z» and «V» utilized in Russian cultural space. The article also analyzes Russian legal practice and evaluates the prospects of counteracting xenophobia.

Keywords: Cancel culture, Cyberhate, Xenophobia, Xenophilia, Russophobia, Russophilia

1. Introduction.

The Internet expands the space of the unpredictable – the space of information – and simultaneously creates a conventional world, experimenting

© Erokhina Yu. V., 2023

with this space and proclaiming mastery over it. Alongside factual and useful data, there exists misleading, negative information in cyberspace. It is a well-known fact that information must meet several criteria: relevance, coverage, currency, and accuracy. However, the World Wide Web makes a lot of these criteria insignificant. The Internet is full of fakes, messages containing violence, profanity, murder, pornography, calls for suicide, incitement of religious and ethnic hatred, xenophobia, etc. The dissemination of negative information is related to the umbrella term «cyberhate», which is used to describe various forms of communication between hate groups with the purpose of attracting new members, forming and reinforcing group identity, coordinating group action, spreading propagandistic ideological messaging and indoctrination, provoking responses within propagandistic campaigns, and attacking social groups and individuals by means of hateful messages¹. T. Quandt and R. Festl note that a large segment of research under the label «cyberhate» has focused on racist and xenophobic groups and their use of email, websites, blogs, and social online networks².

The material used in the present scientific article is divided into the material to be clarified (primarily Internet resources, i. e. mass media and social media) and clarifying material. The rest is control material that can be implemented later and acts as a means to specify and concretize the previously identified trend or pattern. The pattern is being traced gradually and is not only explained by the material provided in the chapter – any additional material is also applicable.

The subject of this study is the phenomenon of cancel culture and related phenomena of xenophobia and xenophilia within the context of Russia.

The analysis that helps define the makeup of examined cultural phenomena and related individual facts and that then separates substantial and insubstantial, which in turn acts as the basis of methodology. The analysis of the ongoing processes of xenophobia, specifically russophobia within the cultural sphere, makes it possible to discern its various stages and contradictory trends. The purpose of the analysis is to understand the elements of cultural phenomena, processes, events, and their study as relatively independent entities. In turn, the qualitative analysis will examine the practices of cancellation of Russian culture within cyberspace and beyond. The combination of observational and descriptive methods delineates the emerging

¹ Quandt T. and Festl R. (2017), p. 1.

² Quandt T. and Festl R. (2017), pp.1–2.

trends in regards to the cancellation of Russian culture and gives insight to its specifics. The amalgamation of the autobiographical and case study method enables the analysis of ethnic xenophobia directed to the author in her career as an artist. The semiotic method is put to use when objectifying the meaning of the symbols «Z» and «V».

It is important to stress that the following logically related categories are being examined: cancel culture, the cancellation of Russian culture, cyberhate, xenophobia, xenophilia, russophobia, and russophilia. The formal-logical division of terms into kinds is necessary, as cancel culture is a general category and the cancellation of Russian culture is merely its part. Cyberhate as an umbrella term includes xenophobia (type) in cyberspace and russophobia (kind), in turn, is a variety of xenophobia. In this instance, cyberhate and the cancellation of Russian culture can be correlated to form and content. At the same time, in order to objectify scientific knowledge on the topic of xenophobia, xenophilia must be examined. Xenophobia and xenophilia are two contrasting phenomena. These states of human consciousness can lead to harmful consequences for people espousing such beliefs and the society as a whole. It is important to determine to what extent «foe» becomes «friend» as a result of cultural adaptation and find balance between the two extremes – xenophobia and xenophilia. Thus the article will consider the examples of interrelation of russophobia and russophilia.

2. Cancel culture, russophobia, and russophilia: theoretical and practical aspects.

One of the main contemporary trends is the phenomenon of cancel culture as a form of ostracism when a person or even entire nations and states are excluded from society. The term is applicable to both the online and offline spaces, ranging from mob violence to hostile debates, intimidation, and persecution³. Yet the negative connotation of cancel culture is expressed by a surrogate, warped version of legal process, which is chaotic and ritualized at the same time⁴. Cancel culture resembles a complex practice that should not be studied in isolation, but instead should be placed in a certain context. Cancel culture in its modern form facilitates two dangerous trends: the stigmatization of public figures and conversion of complex political and social processes into a moral plane. As a result, two crucial components of communication are incapacitated: dialogue and the possibility of critical

³ Vogels E. A., Anderson M., Porteus M. and et al. (2021).

⁴ Dudenhoefer N. (2020).

analysis in regards to a conflict. Under the aegis of cancel culture, an attempt to erase history, monuments, cultural norms, etc. is being made in order to conform to the expectations of today's social pressure. Cancel culture is a tendency, especially in cyberspace, upheld by groups of people when constructing fake identity markers within and outside such groups and when persecuting those who do not share or oppose such markers/values/political convictions; it is an attempt to remove such people from their public positions and platforms, which sometimes manifests itself in the effort to ostracize entire nations and states. In some cases, cancel culture takes the form of xenophobia, which is defined as fear of or aversion to individuals due to their nationality or even because they appear to be foreigners⁵. According to Mohsen Joshanloo, xenophobia is linked to cultural variables/values more than to social or economic factors⁶, hence the chapter analyzes the instances of xenophobia in the cultural sphere specifically. For example, the destruction of Russian culture on the Internet goes beyond the scope of cyberspace and takes the form of xenophobia – russophobia. In particular, in April 2022, Google Translate suggested that Russian users replace the phrase «dear Russians» with «dead Russians». The Russian Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media demanded that Google take measures to rectify the issue, stating that it had detected an «extremist violation» in the service.

The issue of russophobia is explored in the works of such authors as Neil Robinson⁷, Giorgio Comai⁸, Krista Berglund⁹, Anatol Lieven¹⁰, Heikki Luostarinen¹¹, among others.

In the context of the analysis of russophobia, it would be appropriate to consider the phrase «culture war» as used by the President of the Russian Federation Vladimir Putin and studied by the Professor of the University of Limerick (Ireland) Neil Robinson¹².

Considering the historical retrospective, it is worth noting that Putin made mention of «culture war» back in March 2012. In particular, he stressed that the threat to Russian moral and spiritual values comes not only from the

⁵ *McInnis E. M. (2021), pp. 26–42.*

⁶ *Joshanloo M. (2023), pp. 1–10*

⁷ *Robinson N. (2014); Robinson N. (2019), pp. 61–77.*

⁸ *Comai G. (2021).*

⁹ *Berglund K. (2012), pp. 233–365.*

¹⁰ *Lieven A. (2000), pp. 25–32.*

¹¹ *Luostarinen H. (1989), pp. 123–137.*

¹² *Robinson N. (2014).*

outside, but also lies within. «Attempts to influence the worldviews of entire peoples, the attempt to bend them to one's will, to instill one's system of values and understandings – this is an absolute reality, just like the struggle for mineral resources, which many countries, including our country, have encountered. And we know how the distortion of national, historical, and moral consciousness has led to the emergence of crises in entire states, leading to their weakening and ultimate decay, the deprivation of sovereignty and fratricidal wars.»¹³

In scientific discourse, such cultural values as individualism and collectivism have also been noted as correlators of xenophobia¹⁴.

The President of Russia signed the decree «On approving the foundations of the state policy for preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values» on November 9, 2022 with the purpose of neutralizing potential threats by means of legal instruments. That decree was introduced as a means of constructing the framework of traditional Russian spiritual and moral values through the verbalization of intuitively comprehensive ideas. These moral guidelines form the worldview of citizens of Russia, are passed on from generation to generation, and make up the foundation of Russian civic identity and cultural space, as well as strengthen the civil unity. They represent the unique and distinctive manifestation of spiritual, historical, and cultural evolution of the multinational people of Russia. Traditional Russian spiritual and moral values include: life, dignity, human rights and freedoms, patriotism, civic consciousness, service to the Fatherland and responsibility for its destiny, high moral values, a strong family, constructive labor, precedence of spiritual over material, humanism, benevolence, justice, collectivism, mutual aid and respect, collective memory and intergenerational continuity, and the unity of the people of Russia. Simultaneously, Russian culture is evolving by not only absorbing the modern trends of Western, primarily European and American, culture, but also by turning to Russian and European culture of the past. Naturally, state borders do not serve as literal borders of a culture's history¹⁵. In that regard, Western culture is not simply being appropriated; but instead it is being processed and adjusted to the peculiarities of the Russian society and the distinct historical path of the Russian state.

¹³ Meeting with representatives of the public on the issues of patriotic education of youth. <http://news.kremlin.ru/news/16470>.

¹⁴ Leong C. H. and Ward C. (2006), pp. 799–810; Scheepers P., Gijsberts M. and Hello E. (2002), pp. 242–265.

¹⁵ Lugo-Ortiz A. (2007), p. 8062.

In the Russian-speaking online mass media space, the «cancellation of Russian culture» has become a derivative of the broader topic of cancel culture. When a problem arises, it will inevitably be a subject of discussion. Is the cancellation of Russian culture discussed in cyberspace? «Sistemnyi Blok», the Internet publication themed around the implementation of digital technologies in culture, art, education, and society, has conducted a census on the number of times the phrases «cancel culture», «the cancellation of culture», and «the cancellation of Russian culture» have been mentioned in mass media and online searches throughout 2022. This data may help determine the level of concern (and, consequently, interest) regarding the cancellation of Russian culture among the Internet users based on search trends. The keyword statistics website Yandex Wordstat shows that in March 2022, the users of the Yandex search engine searched for the phrases «the cancellation of Russian culture» and «the cancellation of Russia» for the first time. That same month the amount of such searches tripled¹⁶. Ostensibly, that is due to the comments on Western ostracism made by the Russian President during the meeting with the laureates of awards for special achievements in the Arts and Culture on March 25, 2022¹⁷. Since March 2022, materials dedicated to the cancellation of Russian culture have started periodically appearing in the media. And on May 15, 2022 the Russian state television channel «Perviy Kanal» aired a report on the phenomenon of cancel culture and its alleged origin in the USA that showcases recent examples of the cancellation of Russian culture. The same month also saw the emergence of news stories that contained statements by famous Russian personalities (including Patriarch of Moscow and all Rus' Kirill¹⁸, Assistant to the President of the Russian Federation Vladimir Medinsky¹⁹, the artistic director of the Moscow Art Theater named after Chekhov Konstantin Khabensky²⁰) on the cancellation of Russian culture. The publication of a variety of news materials in the media may have led to an increase of the number of reports on the subject. The uptick in reporting on this matter in June 2022 is most likely linked to it being discussed in various public events in Russia and

¹⁶ Kotikova E. (2022).

¹⁷ Meeting with the laureates of the 2021 Presidential Prizes for Young Cultural Works and for Works for Children and Youth (2022). <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68050>.

¹⁸ Patriarch Kirill called the “cancellation” of Russian culture in the West madness (2022). <https://www.interfax.ru/culture/841266>.

¹⁹ Medinsky commented on the process of “cancelation” of Russian culture in the West (2022). <https://www.tass.ru/kultura/14662957>.

²⁰ Khabensky declared the impossibility of canceling Russian culture (2022). <https://lenta.ru/news/2022/05/18/khabensky-otmena/>.

by a survey conducted by the Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), which regularly conducts sociological and marketing research. In June 2022, SPIEF (St. Petersburg International Economic Forum) took place and was attended by more than 14,000 people from 130 countries. The forum hosted a session on «Cancel culture: unprecedented challenges for the media sphere. Information policy in the era of post-truth». VTsIOM published the results of the survey on the attitude of Russians to the policy of cancel culture in Western countries. According to the survey results, one in two Russians is concerned about the attempts of Western countries to remove Russian culture from public space (53 %). Women (57 %), pensioners (58 %), and those who prefer television to the Internet (61 %) are more predisposed to having such concerns. 43 % of responders do not express concern about the cancellation of Russian culture abroad, and 25 % of surveyees are not concerned at all. The idea of defending one's rights in the cultural sphere is popular among Russians. In order to do that, one should invite mass media (30 %) and Western public figures to advocate for protection of Russian culture (20 %), as well as create associations (16 %) and launch information campaigns (14 %) that are also tasked with the preservation of Russian culture. Petitions (9 %) and lawsuits (12 %) are seen as less effective. In other words, the only way to challenge the policy of cancel culture is through public outcry and discussion in the West. Three-quarters of Russians believe that countermeasures and the cancellation of Western culture in Russia are not necessary (73 %). This opinion is largely held by people with higher education (80 %) and residents of Moscow and St. Petersburg (80 %). One in five Russians (22 %) believes that sanctions against Western culture are necessary²¹. In July 2022, the number of news stories related to cancel culture from well-known Russian news agencies decreased, which led to the topic's drop in popularity. When the amount of searches is compared to the population of Russia (not to mention the proportion of Russian-speaking Internet users), it becomes clear that this amount is negligible. Based on this data, it would be inaccurate to call it «viral». However, the existence of such searches in relation to cancel culture is interesting in and of itself. Moreover, according to the researchers from the publication «Sistemniy Blok», the phrase «canceling Russia» (which mostly directs to webpages on cancel culture broadly) was popular on Google Search between February 27 and March 5, 2022, right after the start of the Special Military Operation (SVO)

²¹ «Cancellation» of Russia and how to deal with it (2022). <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otmena-rossii-i-kak-s-nei-borotsja>.

to provide military aid to the Donetsk and Luhansk People's Republics and seek the denazification and demilitarization of Ukraine; but since mid-March the popularity of the search has sharply dropped. The news about cancellation are not always substantiated and are often followed by counterexamples. Canceling part of the worldwide cultural heritage may seem impossible, but famous Russians encounter it on a regular basis when working abroad or participating in international projects. However, as shown by search results and mass media, there is no global interest in the cancellation of Russian culture²². It can be assumed that canceling Russian culture will lead to an even bigger demand in the products of Russian culture and russophilia – a variation of xenophilia, defined as appreciation for everything Russian, the Russian people themselves, and Russia as a country. The term can be used in both the linguistic and cultural sense. The newfound interest in Russian classical literature (the works of I. Turgenev, F. Dostoevsky, L. Tolstoy, A. Chekhov) in the 19th century UK is a prominent example of russophilia, which gave an impetus to the growth of English culture. Translators Constance Garnett, George Calderon, and Robert A. Long played a huge role in that. Russian literature was further propagated by the literary critic Edward Garnett and the journalist and translator William Ralston, among others. The UK discovered a whole new world. The shift of Russia in British public consciousness in the beginning of 20th century resulted in Russia being seen as a country with an outstanding literature and artistic background²³.

The Russian 3D animated series «Masha and the Bear», created by the animation studio «Animaccord», could serve as a contemporary example of russophilia. All action in the series is primarily accompanied by pantomime (gestures and facial expressions), which can be easily perceived regardless of the language. This animated series seamlessly combines the motifs of Russian folk tales and modern realities. Its characters are easily recognizable. Russian researchers N. Perfilieva and K. Zhikulina researched the elements of Russian propaganda in the animated series «Masha and the Bear» and in the reviews by journalists and experts. According to them, the worldwide popularity of the series is explained not by advertising campaigns or explicit promotion by the Russian state, but by the appeal of the cartoon to both the Russian and international audiences²⁴. The show includes modernized archetypes of a Russian folk tale, reflecting the universal moral values through

²² Kotikova E. (2022).

²³ Krasavchenko T. N. (2020), p. 84.

²⁴ Perfilieva N. V. and Zhikulina K. P. (2019), pp. 164–178.

a Russian lens. Culture is the foundation of peaceful coexistence and mutual understanding, which creates a sense of trust and solidarity between people. Within this context, Russian animation can act as a system-forming element of culture within the process of transition of the category «foe» to the category «friend», from russophobia to russophilia, and the establishment of a potential balance of these categories and processes. At the same time, animation, literature, and films can be used to manipulate public consciousness, which intensifies the xenophobic tendencies in a society, especially when their content is not inherently negative, yet their interpretation intentionally distorts the meaning. For example, there were several cases in Russia of manipulation of public consciousness with the intent of inciting extremism and hatred that were based on the Harry Potter film series, an adaptation of the popular book series by J. K. Rowling. Fall 2021 saw an emergence of interpretations of Harry Potter on TikTok, which used analogies to warp the meaning of the plot and influence the minds of teenagers. For instance, the President of Russia was equated to Lord Voldemort, the antagonist of the series who threatened the wizarding world, while Alexey Navalny was likened to Harry Potter, the protagonist who saves everyone. Here, the reverse process of the transition from the category «friend» to «foe» and from «russophilia» to «russophobia» can be observed. Later, it was refuted and Putin became akin to Albus Dumbledore, while Navalny resembled Gellert Grindelwald.

Therefore, instances of the cancellation of Russian culture, russophobia, and russophilia are covered within the context of cancel culture in cyberspace. At present russophobia is more prevalent than russophilia. The next chapter will showcase the manifestations of Russian culture being canceled using the author's cultural practice as an example.

3. The autobiographical narrative of the cancellation of Russian culture: the individual vs. the public.

An autobiographical narrative is a narrative that puts life events in a sequence with the help of plot, forming a structure of a subjective life path. The narrative creates and reflects a culture, traditions, values, and beliefs, and resembles a mirror that shows the image of what it means to be human. The autobiographical narrative also acts as an insightful lens, through which cultural experience and collective memory can be examined. At the same time, the cultural experience and collective memory are put in a certain context and are primarily conveyed through individual voices as if they were eyewitness testimony. This does not mean that the eyewitness speaks only of their memory, because as made clear by M. Halbwachs, people usually

acquire memories in society. What is more, they remember, identify, and arrange their memory in society as well²⁵. Collective memory can be best understood within the frame of the individual and the social combined, when a person's biography serves as an illustration of society in its heterogeneity and complexity. It is worth noting that behind this explicit memory technology lie gendered interpretation framework and acts of transfer, as described by P. Connerton²⁶, which depend on standard ethnocultural codes and models. As a further matter, experience, as well as memories and their transfer, are also gendered and included in this context. Identity – whether individual or cultural – becomes history that flows from the past to the present and future, links an individual to a group, and is built on the basis of gender and associated identity markers²⁷.

Within the purview of the topic under consideration, the facts and events related to cancel culture and ethnic xenophobia from the author's life were analyzed. In this part of the chapter, the autobiographical narrative of the cancellation of Russian culture is presented from a first-person perspective.

It is important to clarify that, in addition to scientific and teaching work in the fields of law and culture/art, I am an artist who regularly participates in exhibits. In all fairness, I will reflect upon the facts and events that fit into the issue of cancel culture, as I would not have taken notice of them in my biography had I not conducted this research.

The main instance is related to a cloud platform that hosted my website with my art portfolio with photographs of my paintings and information about me. I was «canceled» as an artist online because of my nationality. I got an email, saying that «due to the current situation, from March 7, 2022, Wix (*author's note*: a website builder) has suspended its premium services to the users in Russia or those paying for them in Rubles. This means your premium account cannot be renewed.» However, this was preceded by other instances of discrimination, and in some cases ethnic xenophobia. In April 2014, Paul Walsh, a Facebook user from Vietnam who was born in Odessa, USA, left a comment under a photo of my painting *To Remember* (Figure 1), saying «DAMN RUSSIANS!» I can assume that such a reaction is most likely due to the difference in interpretation. In this regard, it is necessary to understand and to search for the meaning behind and beyond the signs and the symbols on the canvas: what was the author's intention and how should it be interpreted?

²⁵ Halbwachs M. (1950).

²⁶ Connerton P. (1989), p. 39.

²⁷ Rozhdestvenskaya E. Yu. (2012), p. 42.

Figure 1. Yu. Erokhina *To Remember*. 2013

The idea of the painting *To Remember* (Figure 1) is related to the poem *Requiem* (1962) by Robert Rozhdestvenskiy, the first recipient of the «Golden Wreath» award at the Struga Poetry Evenings Festival (held in Struga, North Macedonia). This is a poem about those who gave their life for freedom and peace. The author raises the problem of remembrance and dares the readers to be worthy of the feat of the World War 2 soldiers. The painting *To Remember* (Figure 1) traces the narrative of pain, sorrow, universal tragedy, and the memory of war. The names of my paintings always serve as keys to decoding the symbolism and meaning behind my works. The background of the painting *To Remember* (Figure 1) resembles a vintage military uniform, but the color scheme (a symbiosis of various shades of green) is done in the style of camouflage. In a way, this color palette fuses the past and the present, absorbing the memory of wars and armed conflicts.

Red in its purest form is used to evoke negative emotions and anxiety. It is red calico – the color of blood and of the Soviet flag. At the top and in the middle of the canvas, the uniform has a hole with blood coming out. This is the blood of the victims of the war that also symbolizes rebirth, strength, and fortitude and can heal people from the «leprosy» of lies and hatred. The painting also features a number of items. The first thing that

catches the eye is the binoculars in a case. Binoculars, akin to a spyglass, symbolize insightfulness and perception. The open case with the binoculars signifies the importance of remembering the war and its victims without requiring any special insight. Since the case is open, it is time to remind ourselves of the past events in order to reassess history and prevent the tragedies that befell our ancestors in the future.

The second item is a military variant of the *ushanka*, the Russian winter headwear with earflaps. With the flaps open, it resembles a bird with wings and a tail. Bird is a personification of the human soul. The viewer might perceive it as memories involving a particular person or a collective image of a soldier who shed blood for peace and freedom of the future generations.

The third item is an overturned glass and a slice of bread. Russian culture has a lot of memorial traditions, one of them being the sharing of a meal with the spirit of the deceased. The deceased, before departing for the afterlife, shares a memorial meal with their loved ones and says goodbye to life. A glass of vodka covered by a slice of bread is placed on the table, so that families can honor the memory of the deceased. This tradition is akin to a thin thread that connects the living and the dead. A person and their soul are alive as long as they are still remembered. The painting (Figure 1) features an overturned glass because someone or something knocked it over. Red spots on the slice of bread resemble salmon caviar rather than blood, meaning that the bread is not intended to honor the dead. The meal is meant to be a joyous occasion. Therefore, the potential loss of traditions and the national memory of the war and its fallen heroes is implied, which should not be allowed to happen in the future.

The ribbon on top of the *ushanka* and the uniform should also be noted. On December 7, 1769, the Empress of Russia Catherine II established the highest military award of the Russian Empire, awarded for personal courage demonstrated on the battlefield – The Order of the Holy Great Martyr and Victorious Saint George (the Order of St. George). It was to be worn on a «silk ribbon with three black and two yellow stripes» that came to be known as the Ribbon of St. George. In various periods of time, the Russian Emperors awarded the Order of St. George for military exploits to other heads of state, including the Austrian General Prince Alexander of Hesse, King and Queen of Kingdom of the Two Sicilies Francis II and Maria Sophie Amalie, the Prussian king Wilhelm I, and the crown prince Frederick William of Prussia, among others. On March 2, 1992, the Presidium of the Supreme Soviet of the Russian Federation issued a decree «On the state awards of the Russian

Federation» No. 2424-I that reinstituted the Russian military Order of the Holy Great Martyr and Victorious Saint George and the insignia of the Order of the St. George Cross. Spring 2005 saw the first public campaign «The Ribbon of St. George» on the streets of Russian cities. It originated spontaneously as part of an Internet project «Our Victory», aimed at publishing stories and photographs of the Great Patriotic War of 1941–1945. «The Ribbon of St. George» has become a symbol of solemn events and annual meetings with the veterans of the war in many cities of Russia and later in the USA, Israel, Italy, Austria, Ukraine, etc. This is a clear example of russophilia. The ban on wearing and public display of the Ribbon of St. George, enforced in 2022 in Latvia, Lithuania, Estonia, Moldova, Georgia, and some German states and in 2017 in Ukraine, is not an example of russophobia, but xenophobia, as this tradition had been recognized worldwide and spread to many countries of the world. Obviously, I was taken aback by Paul Walsh's comment «DAMN RUSSIANS!», but in all fairness, it was an isolated case amidst the overwhelming international positive feedback. At the same time, I noticed the contrast in the perception of symbolism behind the painting, which is why I submitted this artwork instead of the one I originally intended to put forward to the international Art Week in Italy (Palazzo Priuli-Bon art gallery, San Stae 1979, Santa Croce, Venezia). In August 2014, I was informed by the event organizers that the painting *To Remember* (Figure 1) was well-received and took 2nd place in the category «Experimental Painting» under the nomination «Abstract Painting».

The trend towards the cancellation of Russian culture and expression of russophobia continues to take shape and has expanded beyond isolated cases. Namely, a notable amount of art galleries have stated that they would no longer work with Russian artists despite the high quality of my works of art and their artistic value. In Copenhagen, I was openly told that I, among other artists from Russia, would not be contacted due to the current political situation. And the London art galleries are not further interested in any forms of Russian art or culture, despite the large number of requests from ordinary citizens to hold an exhibition.

A recent incident related to my art being canceled happened in Russia this time. In the fall of 2022, I was advised not to feature the painting *The Island of Childhood* (Figure 2) at my personal exhibition due to it depicting a Z (this sign will be covered in detail in the following part of the chapter), which could cause «undue attention and provocation». The argument that I created the artwork back in 2017 did not make the organizers of the exhibition

change their minds. This case demonstrates a warped perception of a symbol, when the audience offers their own interpretation of the image, disregarding its context and time of creation.

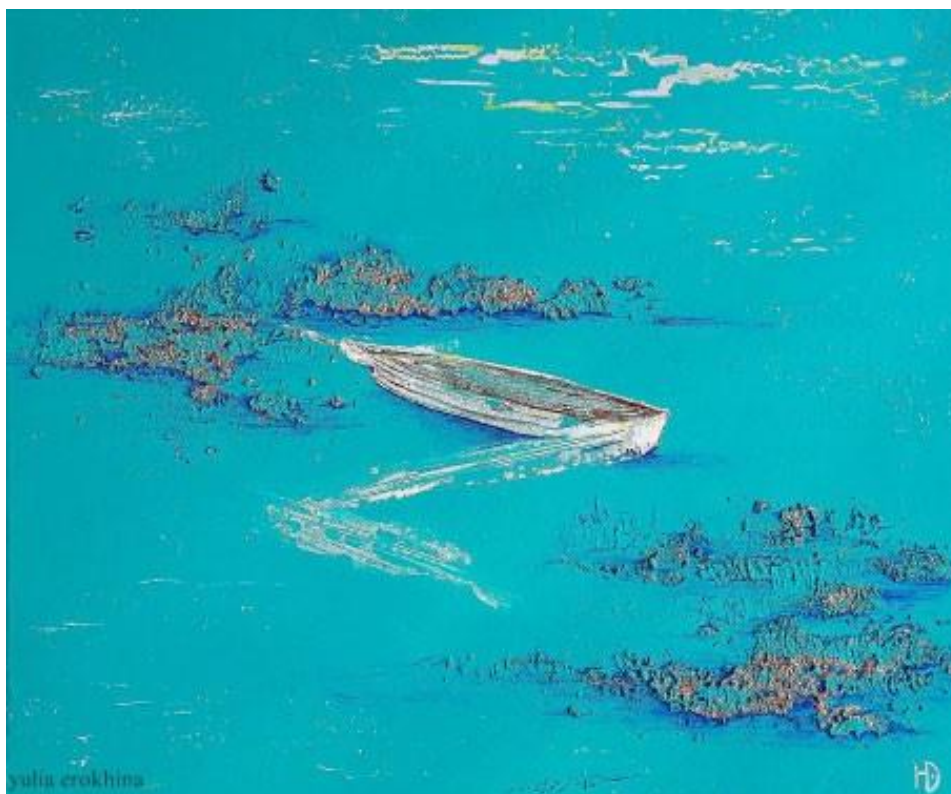

Figure 2. Yu. Erokhina The Island of Childhood. 2017

As an artist, I encode certain meanings in symbols when I am working on a painting. The zigzag-shaped path in the sea, as depicted in the image in the form of a Z, has its own symbolic meaning, which can have multiple interpretations. The boat is portrayed at the beginning of its designated path, meaning it is moving from the past through the present and to the future. Or it is already at the end of its journey, thus giving a sense of movement from the present to the past. That raises the question of «What did the traveler forget in the past? What unresolved questions stayed there? And what will happen once the traveler finds answers to those questions?» The zigzag-shaped path resembles a constant cycle of movement. The Z-sign is the letter Z (zemlya – «Earth») of the Old Cyrillic alphabet. It symbolizes protection from the malevolent forces. Zemlya («The Earth») as a universal structure and a form of life for all beings was created by God. The shape of the letter is also symbolic: the upper line marks the Sky, the lower line marks the Earth, and the diagonal line crosses out the space between Heaven and the Earth, thus preventing the malevolent forces from entering. At times, the

letter Z (zemlya – «Earth») was used to mean «land», «country», «people» or «human body». In the painting, there are no people visible on the moving boat, which is why it can be assumed that someone's soul was given a chance to travel through time and space. The purpose of that journey is only known to the traveler. When interpreting the meaning of the letter Z as the «human body», the boat can be considered the traveler's soul whose path in the Universe is predetermined by the God Almighty, though the ultimate decision rests with the person making it.

When interpreting the painting, it is important to note the energy and the magic of the boat. The boat is akin to an open cradle, being more personal and sentimental than a sailboat or a longboat. It is a symbol of safety and shelter, art and dream, nature and tranquility, as well as happiness, magic, and soul. When looking at life as a dangerous adventure, a boat symbolizes sanctuary. It can be compared to a sacred island. The boat and the island oppose the shapeless and hostile sea. The sea is a wide open shining surface that hides dark, mysterious depths within its bowels – a testament to infinity. To embark on a journey on a boat is a symbolical analogy to entering one's subconscious, as the sea depths are reminiscent of our minds. Vivid tones of turquoise and azure have a positive aura in relation to the painting itself. Many people associate azure with the rapid flow of electricity. Similar reliefs of island clusters suggest that even if the flow of time is different, the past, present, and future are equally subject to its destructive consequences. The golden grains of sand (a semblance to hourglass), as illustrated in the picture, are a metaphor of the passage of time.

Therefore, the autobiographical method allowed to establish that ethnic xenophobia became a trend around 2014 and has intensified since 2016, finally solidifying in the shape of the cancellation of Russian culture in 2022, which led to the «cancellation» of individuals solely on the basis of their nationality.

4. The semiotic and legal analysis of the new Russian symbols «Z» and «V».

Using the semiotic method, the primary and secondary meanings of the new symbols «Z» and «V», widespread in Russian culture, will be analyzed. The mechanisms of national security in cyberspace are demonstrated through the encoding and decoding of the «Z» and «V» symbols. They act as identifiers within the process of transition from the category of «friend» to the category of «foe» and, subsequently, as markers of xenophilia and xenophobia. G. Hofstede states that culture is «the collective programming

of the mind that distinguishes the members of one group or category of people from others.»²⁸. Culture manifests itself in layers. When analyzing the emergence of new symbols in Russian culture, it is advisable to distinguish between the three fundamental layers through which culture is expressed. These include: a) artifacts and creations, b) values, and c) basic assumptions²⁹.

The primary meaning of the symbols «Z» and «V» is as follows. The «Z» symbol is an abbreviation for the phrases «За победу» («For victory», Figure 3), «Задача будет выполнена» («The task will be completed»), and «За нами правда!» («The truth is on our side»). While the «V» symbol stands for «Сила V правде» («Power is in truth»).

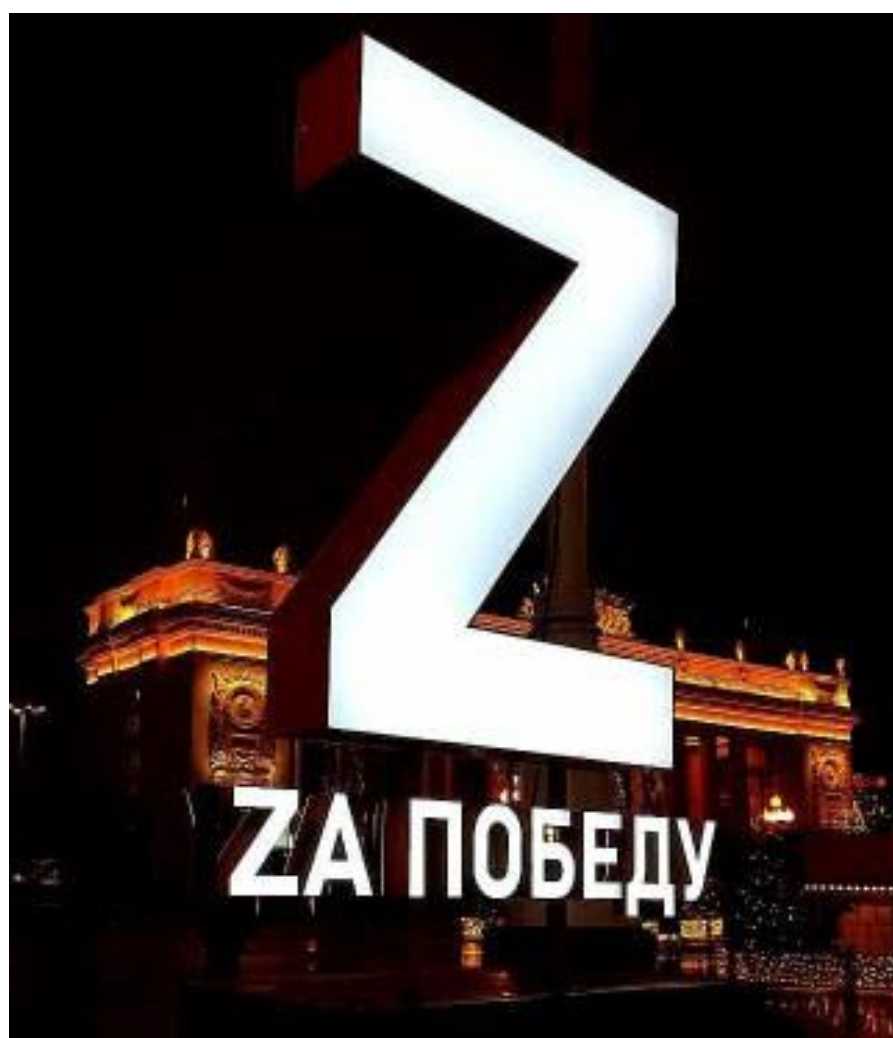

Figure 3. Photo by Yu. Erokhina (taken on January 1, 2023 near the Gorky Central Park of Culture and Leisure in the city of Moscow for this publication)

²⁸ Hofstede G. (1991), p. 5.

²⁹ Schein E. (1990), p. 111.

Currently, different interpretations can be attributed to the signs «Z» and «V» depending on the evaluation, conducted on the basis of either the Latin or Cyrillic script. First and foremost, it is important to keep in mind that the letter «Z» is called «zemlya» («Earth») and the letter «V» is called «Izhitsa» («movement») in the Cyrillic script. Nowadays, «V» is mainly perceived as the victory sign (Victoria/Victory). Secondly, the use of the symbols «Z» and «V» as tactical markings on military vehicles is sometimes explained as identifying marks for the Russian army groups: «Z» for the Western Military District (ZVO) and «V» for the Eastern Military District (VVO). Their secondary meaning is an acquired one: the signs «Z» and «V» have become the unofficial symbols of public support for the Russian army and gained popularity after the start of the Special Military Operation (SVO) to provide military aid to the Donetsk and Luhansk People's Republics in repelling aggression from the Armed Forces of Ukraine (ZSU) and seek the denazification and demilitarization of Ukraine.

When interpreting the «V» symbol, which means «Сила V правде» («Power is in truth»), an allusion to the *Brat* comics series can be traced. The *Brat* comics series, compiled in the book *Brat. 25 Years*³⁰, is based on the Russian film duology *Brat* that targets a wide demographic and covers the lives of the characters before and after the events of the films *Brat* (1997) and *Brat 2* (2000), which were directed by Alexey Balabanov. The irrational communicative nature of the comic series and films can be found in its symbols that emerge from the depths of memory and are characterized by extreme subjectivity and the highest degree of involvement in the world of fiction, leading to the absence of imposed rationality that is based on objectivity, functionality, and informativity. The new connotation behind the «V» symbol can be observed in regards to the context of the films. The semantics behind the current interpretation of the expression «Сила V правде» («Power is in truth») is attributed to the legendary monologue of the character of Danila in the film *Brat 2*. «American, what's your power? Is it really money? My brother says it's money. You've got lots of money – so what? **Truth is a real power.** Whoever is right is strong. You cheated on a man and took away his money. Did it make you stronger? No, it did not, 'cause you are not right, and the person you cheated on is. **That means he's stronger.** Right?»

As a phenomenon of mass culture³¹, comic books are rich material for social, legal, and semiotic analysis. Classic Western comics and Japanese

³⁰ Desyatnikova E., Zamsky A., Nekrasov Yu. and et al. (2022).

³¹ Belyaev D. A. (2013), pp. 35–42; Erokhina T. I. and Badil K. K. (2017), pp. 359–363; Fetisova T. A. (2019), pp. 174–192.

manga have long been providing entertainment and comfort, sometimes even resembling a pillar of stability in people's lives. Although there are many different variations of manga, it is mostly defined by its black and white color palette and exaggerated facial expressions. Russian comics have combined the leading art styles and narrative devices of Western and Eastern cultures alongside Russian cultural features. This case demonstrates another advantage of xenophilia – the ability to revive and enhance tradition.

The main character of the comic book *Brat. 25 Years*, Danila Bagrov, is also the protagonist of the films *Brat* and *Brat 2*. Bagrov is a veteran of the First Chechen War, who did compulsory military service. What is «truth» and the so-called «Bagrov's truth»? Decoding the color scheme of the films *Brat* and *Brat 2* and the comic book *Brat. 25 Years* and revisiting their message can help find answers to those questions. The color palette in the comic book is reminiscent of film photographs as found in an old family album that depicts the collective memories of Russian society in the 1990s. The pictures are akin to still frames from a film which narrative was suddenly interrupted. They offer hints of various degrees of explicitness and allow the audience to develop the plot according to their own imagination, interpretation, and memory. An inevitable clash between the methodological and gnoseological complications occurs when studying color. Color is a complex cultural construct, observed as a semiotic resource or a multifunctional method of creating signs that are localized to culture. The variation of interpretation raises a logical question on the objectivity of knowledge obtained with its help. In this case, subjectivism can be avoided by matching the meaning behind the color scheme with the script.

There are multiple stages to this decoding.

The expressive stage of decoding conveys and evokes emotion and is implemented via various shades of green, related to the past of the main characters. The story *Where Did You Serve?* showcases the artistic device of retrospection, i.e. the act of revisiting the hypothetical past of Danila Bagrov, and is color-coded green with some additions of red to symbolize blood. Green is also featured in other stories and ranges from grayish-yellow «khaki» to greenish-brown «army green», which are both used in military uniform for camouflage purposes.

Some aspects of gnoseological nature should be noted. On the one hand, an additional visualization of the images of the past can be observed. The plot concept of the story is envisioned by graphic images that make it animated and believable. On the other hand, comics can disorient the reader to some

extent when portraying past events in fiction. Such recreation of past events cannot be considered artistically analogous to the original story. The comic book introduces the character of Danila Bagrov by relating the events of his life in the army. His character arc is deeply rooted in the war, with the main tenets of «truth» being patriotism, homeland, heroism, friendship. The war operates on the code of honor rather than laws of peace time. Therefore, the characteristics that convey and evolve emotions by using the color green are identified at this stage of decoding. Danila Bagrov's positive and negative emotions and motives either stay within social and cultural norms or go beyond legal prescriptions, but their origin always lies in his military past.

The symbolic stage indicates an object, phenomenon or entity and is expressed through the juxtaposition and interaction of black and white and is connected with the future of the main characters. The future is depicted as a black-and-white coloring book, which color scheme changes depending on how the plot unfolds. Danila Bagrov can be considered a cultural substratum and he becomes a symbol of justice when he inevitably dies in all versions of the future. «When a person dies, it pales. His face and body lose color in the fading light of his life. Spiritless matter of a dead body does not have a color emission.»³². The correlation of the meaning behind white put forward by the story and the interpretation of white by J. Jarman is apparent, «<...> to wear white you cannot mix with the crowd, white is a lonely colour. It repels the unwashed, has a touch of paranoia, what are we shutting out? It takes hard work whitewashing.»³³. The phrase «It takes hard work whitewashing» gains a symbolic meaning and acquires new sense when viewed through the context of the actions of the characters and the modern interpretation of the expression «Сила в правде» («Power is in truth»). The symbolic stage of decoding lies in the relationship between black and white, representing the future of the protagonists. The symbolic meaning is understood through the category of «justice», including the legal definition of the term.

In spite of this, administrative cases on discrediting of the Russian Armed Forces (Article 20.3.3 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses) have started to appear concurrently with the widespread use of the «Z» and «V» symbols against the people who voiced their disapproval of the symbols or tried to remove them in public spaces. As of January 2023, the website of the state information system «Justice»

³² Itten I. (2013), p. 29.

³³ Jarman D. (2017), p. 33.

lists only cases with corresponding court documents. In total, there have been 2,751 administrative cases under Article 20.3.3 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, featuring 184 cases on the criticism or subverted use of the letters «Z» and «V». The arguments made by courts when assessing cases and passing judgment within the frame of the Russian legal system are as follows.

Actions that are subject to legal assessment:

- posts and messages on social media that contain criticism and negative statements on the use of the letters «Z» and «V», as well as their equivocation to the nazi symbolics;
- attempts to remove or in some way damage the stickers or images of the letters «Z» and «V» in public;
- graffiti and writing that portrays the symbols «Z» and «V» in negative light;
- posters containing «Z» and «V» during protests and demonstrations against the special military operation.

In the overwhelming majority of cases, courts impose fines. Some of them were terminated (e.g. due to formalities when courts returned the police report to address discrepancies). One of such cases was being investigated in Leningrad Oblast. According to the court ruling, a resident of the region removed the Russian flag with the «Z» letter and the slogan «Своих не бросаем» («We don't abandon our own») on it from the building of a non-profit organization and burned it. The court terminated the proceedings, since a criminal case under Article 329 of the Criminal Code of the Russian Federation (Outrages upon the National Emblem of the Russian Federation, or the State Flag of the Russian Federation) had already been opened.

In most cases, courts have imposed fines on the basis of administrative violations, police reports, testimonies of individuals charged with administrative offenses, etc. Maximum fine is 50,000 Rubles³⁴. According to court rulings, the letter «Z» signifies a «national» and «generally accepted» symbol of the special military operation. Therefore, any attempt to remove or deface the symbol or criticism of its use is recognized by the law as discreditation of the Russian Armed Forces. Several court rulings included a detailed analysis of what can be considered discreditation in accordance with Article 20.3.3 of the Code of the Russian Federation on Administrative

³⁴ Why do Russian courts consider criticism of Z and V as discrediting the army? <https://mmdc.ru/news-div/pochemu-rossijskie-sudy-schitayut-kritiku-z-i-v-diskreditaczej-armii/>.

Offenses. For example, the ruling of the Surgut City Court (of Khanty-Mansi Autonomous Okrug) dated March 10, 2022 states:

- the objective side of offense in question can be formed by any public action, including those that produce information aimed at discrediting the Russian Armed Forces, in order to protect the interests of the Russian Federation and its citizens, accessible to wide audiences, including publication in mass media;

- discreditation is a deliberate action aimed at undermining the authority, image, and trust in someone, as well as belittling their dignity and authority;

- discreditation can be expressed by means of such speaking tactics as blaming, ridiculing, fomenting negative factors, insults, labeling, and derogatory comparisons.

the purpose of the action is to undermine the dignity and authority of the Armed Forces of the Russian Federation in the context of their participation in the special military operation aimed at protecting the interests of the Russian Federation and its citizens and maintaining international peace and security³⁵.

Similar wording can be found in other court rulings in Russia.

At the same time, the term «discreditation» is considered to be legal by law and no special knowledge is required to determine whether one's actions are discrediting the Russian Armed Forces or not. Although in some cases, social media posts can be subjected to a linguistic examination. The specific circumstances of the administrative offense are subject to an evaluation in accordance with the general rules of issuing administrative penalty, which are based on the principles of fairness, proportionality, and individualization of punishment.

For instance, the ruling of the Volsky District Court of Saratov Oblast dated May 17, 2022 states that, regarding part 1 of Article 20.3.3 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, when evaluating whether one's actions are discrediting the Russian Armed Forces, it is necessary to bear in mind that the verdict is in the providence of the judge that is working on the case, since the matter of the signs of discreditation requires legal assessment and suitable qualification³⁶.

March 2022 saw amendments to Article 280.3 of the Criminal Code of Russia on public actions that discredit the actions of the Russian Armed Forces aimed at protecting the interests of the Russian Federation and its

³⁵ Administrative offense case 5-2557/2022. <https://sudrf.ru/regular/court/>

³⁶ Administrative offense case 5-2557/2022. <https://sudrf.ru/regular/court/>

citizens and maintaining international peace and security. The maximum penalty that amounts to up to 1,000,000 Rubles, or a salary, or any other form of income of the convicted for a period of three to five years, or imprisonment for up to five years and disqualification from engaging in certain professions or activities for the same period. As of writing, there are no case laws regarding criminal offenses in this category.

The online use of the letter «Z» in logos was discontinued by some global companies. According to their representatives, the letter used separately from the name of the organization or its logo «can be misinterpreted». Future developments should be considered so as to avoid unwanted connotations when using this letter in advertising.

5. Conclusion.

The flow of information in cyberspace is being overhauled. The historical significance of the Internet in terms of its impact on human civilization is comparable to the introduction of book printing in the 15th-16th centuries. Cyberspace influences global cultural trends by accumulating numerous traditions of various peoples and nationalities. At the same time, the Internet is reinforcing cultural hegemony, i.e. the domination or rule of one social group over the other, maintained through ideological, religious, cultural or even historical means. The fact that culture develops alongside civilization, which helps realize its creative potential and humanistic values, is not taken into account. Cancel culture is a tendency, especially in cyberspace, upheld by groups of people when constructing fake identity markers within and outside such groups and when persecuting those who do not share or oppose such markers/values/political convictions; it is an attempt to ostracize entire nations and states. In some cases, cancel culture takes the form of xenophobia, which is defined as fear of or aversion to individuals due to their nationality. Xenophobia is linked to cultural variables, which are expressed by traditional spiritual and moral values.

The study has concluded that the cancellation of Russian culture is an issue present in cyberspace. Search data and media reports do not indicate any interest in the cancellation of Russian culture by Russian- and English-speaking Internet users alike. However, the topic of the cancellation of Russian culture became popular on various search engines shortly after the start of the Special Military Operation (SVO) to provide military aid to the Donetsk and Luhansk People's Republics in repelling aggression from the Armed Forces of Ukraine (ZSU) and seek the denazification and demilitarization of Ukraine; though it sharply dropped later on. It can be assumed that canceling Russian culture will lead to an even bigger demand

in the products of Russian culture. Russophilia – a variation of xenophilia, defined as appreciation for everything Russian, the Russian people themselves, and Russia as a country – will continue to spread.

The autobiographical method allowed to establish that the tendency towards ethnic xenophobia exists and is expressed in the «cancellation» of individuals solely on the basis of their nationality.

The semiotic method is used to identify the primary and secondary meanings of the new symbols «Z» and «V» utilized in Russian cultural space. They act as identifiers within the process of transition from the category of «friend» to the category of «foe» and, subsequently, as markers of xenophilia and xenophobia. The mechanisms of national security in cyberspace are demonstrated through the encoding and decoding of the «Z» and «V» symbols. The symbols of the special military operation acts as triggers for its opponents on the informational and psychological front. Nowadays, the battles are fought with images, not just missiles. The primary meaning of the symbols «Z» and «V» as tactical markings on military vehicles is explained as identifying marks for the Russian army groups: «Z» for the Western Military District (ZVO) and «V» for the Eastern Military District (VVO). Their secondary meaning is an acquired one: the signs «Z» and «V» have become the unofficial symbols of public support for the Russian army after the start of the special military operation. When interpreting the «V» symbol, which means «Сила V правде» («Power is in truth»), an allusion to the *Brat* comics series, based on the eponymous film duology, can be traced. In this regard, two stages of decoding are distinguished: 1) the expressive stage that conveys and evokes emotion and is implemented via various shades of green, related to the past of the main characters; 2) the symbolic stage that indicates an object, phenomenon or entity and is expressed through the juxtaposition and interaction of black and white and is connected with the future of the main characters.

In Russian legal practice, administrative cases on discrediting of the Russian Armed Forces (Article 20.3.3 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses) have started to appear against the people who voiced their disapproval of the symbols «Z» and «V» or tried to damage state, public, and private property that bears the images of the symbols as a result of acts of vandalism.

Within the framework of this scientific article, a preliminary conclusion based on the empirical generalization of the available material has been made. Since information flows in cyberspace change at tremendous speeds, the study of the markers «friend» and «foe» within the context of ethnic xenophobia and xenophilia and their relation to cancel culture and the cancellation of Russian culture in particular should be continued.

References

1. Belyaev DA (2013) Kontsept «Supergeroy» kak lokal'nyy variant modeli sverkhcheloveka v aktual'nom prostranstve massovoy kul'tury (The concept of «Superhero» as a local version of the superman model in the actual space of mass culture). Logos et Praxis 2:35–42.
2. Berglund K (2012) Russophobia. In: The vexing case of Igor Shafarevich, a Russian political thinker. Birkhдuser, Basel, pp 233-365.
3. Comai G (2021) Russophobia in Russian official statements and media. A word frequency analysis (August 2021). https://www.researchgate.net/publication/353631878_Russophobia_in_Russian_official_statements_and_media_A_word_frequency_analysis. Accessed 15 Sept 2022.
4. Connerton P (1989) How societies remember. Cambridge University Press, Cambridge.
5. Desyatnikova E, Zamsky A, Nekrasov Yu and et al (2022) Brat. 25 let: kniga komiksov (Brother. 25 years: comic book). Bubble Comics, Moscow.
6. Dudenhoefer N (2020) Is cancel culture effective? Pegasus 17. <http://ucf.edu/Pegasus/is-cancel-culture-effective>. Accessed 20 Dec 2022.
7. Dzharman D (2017) Khroma. Kniga o tsvete (Chrome. Color Book). Ad Marginem Press (Ad Marginem Press), Moscow.
8. Erohina TI, Badil' KK (2017) Kinokomiks kak mifotekst sovremennoy massovoy kul'tury (Kinokomiks as a mythotext of modern mass culture). Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik (Yaroslavl Pedagogical Bulletin) 3:359–363.
9. Fetisova TA (2019) Komiks - porozhdeniye amerikanskoy massovoy kul'tury. Analiticheskiy obzor (The comic is a product of American popular culture. Analytical review). Vestnik kul'turologii (Bulletin of cultural studies) 3(90):174–192.
10. Halbwachs M (1950) La memoire collective. Presses Universitaires de France, Paris.
11. Hofstede G (1991) Cultures and organizations: software of the mind. HarperCollinsBusiness, London.
12. Itten I. (2013) Iskusstvo tsveta (The art of color). Izdatel' D. Aronov (Publisher D. Aronov), Moscow.
13. Joshanloo M (2023) A global index of anti-immigrant xenophobia: associations with cultural dimensions, national well-being, and economic indicators in 151 nations. Politics, Groups and Identities 1:1–10.
14. Kotikova E (2022) Otmena russkoy kul'tury: chto pokazyvayet statistika tsifrovykh sledov? (Cancellation of Russian culture: what do digital footprint statistics show?). <https://sysblok.ru/society/otmena-russkoj-kultury-chto-pokazyvaet-statistika-cifrovykh-sledov/>. Accessed 20 Dec 2022.

15. Krasavchenko TN (2020) Fenomen rusofilii v angliyskoy kul'ture nachala XX v.: D. Uolles Makkenzi, Bernard Peyrs, Moris Bering i Stiven Grem (The Phenomenon of Russophilia in English Culture at the Beginning of the 20th Century: D. Wallace Mackenzie, Bernard Peirce, Maurice Baring and Stephen Graham). Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura (Social and human sciences. Domestic and foreign literature) 3:81-93.
16. Leong C-H, Ward C (2006) Cultural values and attitudes toward immigrants and multiculturalism: The case of the Eurobarometer survey on racism and xenophobia. International Journal of Intercultural Relations 30(6):799–810.
17. Lieven A (2000) Against Russophobia. World Policy Journal 17(4):25-32.
18. Lugo-Ortiz A (2017) Framing a forum. Publications of the modern language association 3(122):8062-8094.
19. Luostarinen H (1989) Finnish Russophobia: The story of an enemy image. Journal of Peace Research 26(2):123–137.
20. McInnis EM (2021) The global system of white supremacy within UK clinical psychology: An African psychology perspective. In: Newnes C (ed) Racism in Psychology. Routledge, London, pp 26-42.
21. Perfil'eva NV, Zhikulina KP (2019) Fenomen «Masha i Medved'» v rossiyskikh i zarubezhnykh sredstvakh massovoy informatsii (The phenomenon of «Masha and the Bear» in Russian and foreign media). Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki (Questions of the theory and practice of journalism) 1:164-178.
22. Quandt T, Festl R (2017) Cyberhate. In: Rüssler P, Hoffner CA, Zoonen L (eds) The international encyclopedia of media effects, vol 1. Wiley, New Jersey, p 8.
23. Robinson N (2014) The political origins of Russia's 'culture wars'. P&PA of University of Limerik, Limerik.
24. Robinson N (2019) «Russophobia» in official Russian political discourse. De Europa 2(2):61-77.
25. Rozhdestveskaya EYu (2012) Biograficheskiy metod sotsiologii (Biographical method of sociology). VShE, Moscow.
26. Scheepers P, Gijssberts M, Hello E. (2002) Religiosity and prejudice against ethnic minorities in Europe: Cross-national tests on a controversial relationship. Review of Religious Research 43(3):242–265.
27. Schein E (1990) Organizational culture. American Psychologist 45(2):109–119.
28. Vogels EA, Anderson M, Porteus M et al (2021) Americans and 'cancel culture': where some see calls for accountability, others see censorship, punishment. <https://www.pewresearch.org/internet/2021/05/19/americans-and-cancel-culture-where-some>. Accessed 20 Dec 2022.

Поступила в редакцию 30.11.2023 г.

CANCEL CULTURE: XENOPHOBIA AND XENOPHILIA ONLINE USING RUSSIA AS AN EXAMPLE

Developing Internet communication technologies are expanding the audience of both global culture broadly as well as Russian culture in particular. The world is conceptualized as multicultural and the cyberspace appears to be mosaic, thus indicating the idea of preserving and encouraging cultural diversity that is contributing to the spiritual enrichment of society. At the same time, digital technologies can have a negative impact by means of altering cultural values and restructuring the system of their coding. To be more specific, it leads to a possibility of an interpretation of a fact being distorted, which is why this article analyzes the instances of xenophobia online and beyond. However, in order to objectify the scientific knowledge on the topic of xenophobia, it would be remiss not to examine xenophilia. Xenophobia and xenophilia are two contrasting phenomena that can have a negative effect on human consciousness, harmful both for the one espousing them and the society as a whole. It is important to identify the mechanisms of their interaction, find a potential balance between them, and determine to what extent «foe» becomes «friend» as a result of cultural adaptation. In this regard, the paper deals with the phenomenon of the cancellation of Russian culture as a manifestation of ethnic xenophobia online and offline. An autobiographical method of research is applied when analyzing the instances of xenophobia directed towards the author in her career as an artist with the purpose of objectification of knowledge on the topic of the cancellation of Russian culture. The semiotic method is used to identify the primary and secondary meanings of the new symbols «Z» and «V» utilized in Russian cultural space. The article also analyzes Russian legal practice and evaluates the prospects of counteracting xenophobia.

Keywords: Cancel culture, Cyberhate, Xenophobia, Xenophilia, Russophobia, Russophilia.

Ерохина Юлия Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры теории
и истории государства и права
юридического факультета
ФГБОУ ВО «Государственный
академический университет
гуманитарных наук»

РФ, г. Москва

E-mail: yulia-erohina@yandex.ru

Erokhina Yu.

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the
Department of Theory and
History of State and Law of
Faculty of Law of the State
Academic University for the
Humanities

Russia, Moscow

E-mail: yulia-erohina@yandex.ru

УДК 340.1

Косач Н. Е.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматриваются вопросы теоретико-правового отображения элементов системы государственного управления, осмысления закономерностей её функционирования. Обосновывается необходимость рассмотрения модели системы государственного управления в качестве составной части модели государства.

Ключевые слова: правовое регулирование, государственное управление, компоненты управленческой системы, модель системы государственного управления, модель государства.

Правовое воздействие на общественные отношения, являясь формой управленческого воздействия, подчиняется общим закономерностям социального управления, но юридические проблемы не получают соответствующего отображения с точки зрения теории управления. Юридическая действительность исследуется с учётом управленческих подходов, однако в теории государства и права данное научное направление не развивается.

Существует мало комплексных исследований проблем права с учетом общих закономерностей социального управления. Среди авторов работ по указанным вопросам можно назвать Р. О. Халфину [1], М. М. Рассолова [2], И. И. Шувалова [3]. Соглашаясь с мнением А. С. Солдатова, нужно отметить, что основное внимание уделяется анализу норм права в системе социального управления, исследованию содержания и ценности правовой информации, организационным и техническим аспектам создания систем информации в юридической области. При этом слабо разработаны вопросы правовой системы и её подсистем с точки зрения теории социального управления и теории информации [4, с. 11].

© Косач Н. Е., 2023

По мнению М. М. Рассолова, необходима специальная теория управления в области права, как компонента единой науки государственно-правового управления. В качестве её предмета предполагаются управленческие цели права, правовой системы и ее подсистем, пути и способы решения задач управленческо-правового воздействия на общественные отношения и обеспечение этого решения на практике [2, с. 18].

В литературе отмечается, что процесс правового регулирования, правотворчества, укрепления законности, правопорядка и другие социально-правовые процессы можно объяснять с точки зрения теории и практики социального управления и в результате выявлять новые, ранее не известные идеи, явления и процессы [3, С. 54]. Объясняется подобный подход к праву и процессу правового воздействия на общественные отношения, тем, что управление осуществляется для достижения основной цели – уменьшения дезорганизации. Как отмечено А. С. Солдатовым, общим для всех разновидностей управления в области права является их антиэнтропийный характер, направленность на обеспечение эффективного функционирования правовой системы общества и ее отдельных подсистем [4, с. 14].

В юридической науке в должной мере не учитываются положения теории государственного управления. Часто авторы пытаются определить и обосновать то, что в теории государственного управления уже определено и обосновано. Всё это мешает терминологическому единству. Теория управления дает основания считать, что процесс управления любого вида имеет единый алгоритм. Осмысление государственного управления в правовой реальности должно основываться на синтезе знаний наук и дисциплин, изучающих право, государство и управление в конкретных проявлениях, аспектах и свойствах. Правовое регулирование государственного управления исследуется в теории государственного управления. В тоже время, система государственного управления, закономерности взаимодействия ее элементов и то, как это отображается в правовой плоскости, не исследуется в теории государства и права.

Целью статьи является обоснование необходимости теоретико-правового отображения элементов системы государственного управления, осмысления закономерностей функционирования данной системы.

Система государственного управления (как любая управленческая система) представлена такими компонентами, как субъект и объект

управления, властное, целенаправленное, организующее воздействие субъекта на объект с помощью определенных способов и средств, обратные связи, то есть информация для субъекта об изменении состояния объекта.

Функционирование этой системы подчинено общим для всех систем управления закономерностям. В процессе взаимодействия объекта и субъекта проявляется природа управленческого воздействия, осуществляемого субъектом для приведения объекта в определенное, новое качественное состояние.

Право регулирует и обеспечивает функционирование системы государственного управления. В тоже время государственное управление осуществляется путем принятия соответствующих правовых актов. Несмотря на такую тесную взаимосвязь государственного управления и права, теория государства и права не связывает существующие правовые понятия с компонентами системы государственного управления, закономерностями управленческого процесса. Цели и функции государства не рассматриваются в качестве целей и функций государственного управления, механизм и аппарат государства (являющийся подсистемой государственного управления) в качестве его субъекта, а государственное принуждение, убеждение и поощрение в качестве методов государственного управления. Отмечают, что в теоретической литературе недостаточно освещены отраслевые особенности государственно-правового принуждения [5, с. 165; 6, с. 232]. В данном контексте утверждение о необходимости постоянного мониторинга общественного мнения для последующего смягчения или отягчения мер принуждения, чтобы избежать негативной реакции со стороны населения [7, с. 79], требует отдельно остановиться на таком компоненте управленческой системы, как обратные связи.

Обратные связи отображают то, насколько управляемые объекты адекватно воспринимают управляющее воздействие субъекта государственного управления. Субъекту управления требуется точно и вовремя знать о своём влиянии на состояние управляемых объектов, о том доходят ли до них управленческие решения, содержащие идеи, задачи, цели. Если обратных связей нет или они не отражают адекватно состояние объекта, то невозможно будет определить, насколько рациональна и эффективна организация и деятельность субъекта государственного управления. В таком случае трудно понять цели, интересы и потребности управляемых объектов.

Обратным связям (контроль, обращения граждан) уделяется не достаточно внимания в юридической науке. Контроль рассматривается в качестве функции государственного управления (контроль как деятельность) и как форма обратной связи или способ организации обратной связи. Нередко можно встретить определение контроля как метода государственного управления, что, безусловно, является ошибкой.

Существует проблема подмены управления, обеспечивающей его управленческой деятельностью. Нередко управленческая деятельность государственных органов не даёт результата, или вообще вредна для общественных связей и процессов. Но исследователи рассматривают её как управление, несмотря на то, что управляющие воздействие на управляемые объекты становится управлением только тогда, когда происходят качественные изменения в управляемом объекте. Всё это мешает анализу, оценке и совершенствованию государственного управления.

Необходимо рассматривать через призму закономерностей функционирования системы государственного управления вопросы правового государства и взаимодействие государства с гражданским обществом. Без приведения объекта в новое качественное состояние нет процесса управления. А так как и субъект, и объект представлены людьми, то необходимо согласование волеизъявлений при выборе целей и методов их достижения.

Вопрос соотношения целей и средств их достижения требует особого внимания. Г. В. Атаманчук справедливо отмечает, что чаще всего, объективный результат обеспечивают не цели, а средства, используемые для их достижения. Выбор несоответствующих средств воздействия влечёт значительное несоответствие между поставленными целями и полученными результатами. Последствием этого будет дискредитация самих целей [8, с. 28].

Взаимосвязанность и соответствие целей государственного управления, средств воздействия на управляемый объект и полученных результатов запускает реальный управленческий процесс, а не его имитацию, в системе. Только так появляется доверие и конкретных людей, и общества в целом.

Государственного управления нет как процесса тогда, когда управляющее воздействие какого бы то ни было государственного органа, не доходит и не влияет на поведение и деятельность человека в управляемом объекте.

Объект является ключевым компонентом в системе управления. Сам процесс управления возникает по поводу состояния объекта. Управляют объектом с учётом закономерностей его развития. Поэтому функцией управления выступает не любое действие органа управления, а только, вызванное объектом, направленное на объект или осуществлённое в его интересах.

В настоящем процессе управления государственный орган не должен функционировать сам по себе. Он должен привести объект управления к поставленной цели. Должно быть достигнуто, обеспечено определенное и качественно новое состояние объекта.

Функции управления, которые обычно выделяют, являются частями системы, объединяющей субъект и объект управленческих воздействий, связи между объектом и субъектом. Функция управления не просто действие, но целенаправленное воздействие. Субъект управления не только имеет право влиять на объект, но обязан организовать достижение определенного результата.

Кроме того, у объекта есть не только обязанность подчиняться, но и право требовать должного поведения от аппарата управления наряду с вышестоящим органом управляющей системы. Для этого необходим постоянный обмен информацией между субъектом и объектом управления. Деятельность субъекта управления должна быть целенаправленной, согласованной с интересами общества, а также с возможностями и спецификой объекта [9, с. 43].

Все вышеописанное не находит отражения в теории государства и права и поэтому теряется цельность восприятия государства как системы. В связи с этим, представляется вполне обоснованным предложение В. С. Плетникова о включении понятия «модель государства» в юридический понятийно-категориальный аппарат. Действительно, общественные отношения становятся сложнее, представления о государстве углубляются и расширяются. Помочь в формировании представлений о системе государства может модель государства. «Модель государства – это мысленно представляемый и/или материально реализованный образ системы, отражающий сущностную основу, организацию и/или процессы функционирования государства, связанный правом, построенный с учетом всей совокупности объективных условий и субъективных факторов, определяющих векторы его развития» [10, с. 425].

Как указывает автор, сформулированное понятие, являясь образом с признаками, функциями, другими характеристиками, присущими

любой системе, даёт возможность рассматривать общие проблемы с разных точек зрения на государство. То есть модель государства должна отражать существенные характеристики государства, чтобы позволить рассматривать любое государство. Она позволит познавать государственно-правовую реальность, обладающую множеством аспектов, к юриспруденции непосредственно не относящихся.

Главное её предназначение заключается в систематизации знаний о государственно-правовой реальности, о том, как организовано и функционирует государство. У исследователей, преподавателей, студентов появляется возможность изучать государство, самостоятельно моделировать его, рассуждать не о частных случаях, а об общих закономерностях в различных их аспектах, как и требуется в рамках теории государства и права.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что модель системы государственного управления должна рассматриваться в качестве составной части модели государства. Введение понятий из других сфер научного знания и переосмысление их в научном юридическом обороте поможет решать проблемы, имеющие чисто юридическую природу.

Список источников

1. Халфина, Р. О. Право как средство социального управления / Р. О. Халфина ; отв. ред. М. И. Пискотин ; АН СССР, Ин-т государства и права. – Москва : Наука, 1988. – 254 с.
2. Рассолов, М. М. Проблемы управления и информации в области права / М. М. Рассолов. – Москва : Юрид. лит., 1991. – 208 с.
3. Шувалов, И. И. Правотворчество в механизме управления обществом : необходимость комплексного исследования / И. И. Шувалов. – Москва : Изд-во Норма, 2006 (Смоленск : Смоленская обл. тип. им. В. И. Смирнова). – 142 с.
4. Солдатов, А. С. Право как инструмент социального управления : Информационный аспект : автореф. дис. .. канд. юрид. наук : 12.00.01 – Теория и история права и государства; история правовых учений / Рос. правовая акад. М-ва юстиции РФ. – Москва, 2002. – 19 с.
5. Латушкин, М. А. Проблемы классификации государственно-правового принуждения / М. А. Латушкин // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер. 5, Юриспруд. – 2010. – № 1. – С. 163–168.
6. Кравец, И. П. Сущность государственного принуждения / И. П. Кравец // Юридический журнал. – 2020. – С. 231–235.

7. Мельникова, О. В. К вопросу о сущности государственно-правового принуждения / О. В. Мельникова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 5. – С. 75–81.
8. Атаманчук, Г. В. Теория государственного управления : учебник / Г. В. Атаманчук. – 2-е изд., стер. – Москва : Омега-Л, 2011. – 525 с.
9. Бачило, И. Л. Функции органов управления : (Правовые проблемы оформления и реализации) / И. Л. Бачило. – Москва : Юрид. лит., 1976. – 198 с.
10. Плетников, В. С. Модель государства – «terra incognita» современного отечественного государствоведения / В. С. Плетников // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 422–427.

Поступила в редакцию 30.11.2023 г.

THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF FUNCTIONING PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEMS

The article deals with the issues of theoretical and legal representation of the elements of the public administration system, understanding the patterns of its functioning. The necessity of considering the model of the public administration system as an integral part of the state model is substantiated.

Keywords: legal regulation, public administration, components of the management system, model of the public administration system, model of the state.

Косач Наталья Евгеньевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Донецкий
государственный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: kosach.dongu@mail.ru

Kosach Natalya
PhD in Law, Associate Professor
of Department of Theory and
History of State and Law of
Donetsk State University
DPR, Donetsk
E-mail: kosach.dongu@mail.ru

УДК 347.91

Лебедь Н. А.

ИНСТИТУТ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ И ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ НАРУШЕННЫХ ПРАВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

В статье исследуются теоретические и практические особенности института исковой давности и проблемы защиты нарушенных прав в гражданском праве. Рассматриваются особенности требования о защите нарушенного права. Обосновывается возможность исполнения обязанностей за пределами срока исковой давности. Представлены особенности законодательного регулирования срока исковой давности, а также влияние срока исковой давности на осуществление данных правомочий. С использованием материалов судебной практики показано, какие проблемы возникают в связи с осуществлением указанных правомочий.

Ключевые слова: гражданский иск, исковая давность, суд, защита прав, восстановление сроков

Одним из наиболее актуальных вопросов в гражданско-правовой науке и практике являются проблемы исполнения обязательств участниками гражданско-правовых отношений после окончания срока исковой давности в Российской Федерации, что требует дальнейшего исследования указанной категории.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) определяет понятие исковой давности как срок, в течение которого осуществляется защита права по иску субъекта, право которого нарушено [1].

Правообладатель, чьи гражданские права были нарушены, должен реализовать свои права в пределах установленного законом срока исковой давности. По истечении срока исковой давности он теряет это право, а должник приобретает право на защиту от срока исковой давности. По истечении срока исковой давности, хотя должник и может отказаться от исполнения своих обязательств, реализация

© Лебедь Н. А., 2023

правообладателем права требования будет лишь затруднена, а само право и право требования не будут погашены.

Цель статьи состоит в исследовании института исковой давности и проблем защиты нарушенных прав в гражданском праве.

Проблемы срока исковой давности в контексте защиты нарушенных прав изучались К. К. Афанасьевым, Л. И. Дряхловой, Б. Б. Черепахиным, И. В. Онищук С. В. Романчуком и другими учеными [2–6].

Следовательно, срок исковой давности – это определенный срок, в течение которого лицо может осуществить судебную защиту своего нарушенного права. Этот факт оказывает прямое влияние исключительно на то, как стороны будут обеспечивать доказательство того обстоятельства, что имело место нарушение закона, его обстоятельств и наступивших последствий последствия.

Истечение срока исковой давности порождает ряд специфических правовых последствий для участников гражданских правоотношений. Первая проблема заключается в том, что многие субъекты гражданских правоотношений ошибочно полагают, что истечение срока исковой давности лишает их возможности требовать защиты нарушенного права.

Данная проблема связана с неправильным толкованием смысла ст. 195 ГК РФ [1].

Значение института исковой давности заключается в том, что он составляет одну из гарантий защиты прав и обязанностей лица в соответствии с законодательством и обеспечивает стабильность гражданского оборота, укрепляя финансовую и хозяйственную дисциплину участников гражданско-правовых отношений.

Институт исковой давности не нашел отражение в древнем римском праве: «Сколько существовало именно право, столько и существовало право на иск». В древнем римском праве не существовало исковой давности, все иски считались вечными, потому могли быть заявлены и рассмотрены независимо от времени, которое прошло после нарушения права [2, с. 18]. Классическое римское право не знало исковую давность в понимании погашения процессуальных прав в результате хозяйственной и правовой бездеятельности уполномоченного лица в течение установленного законом срока

Л. И. Дряхлова считает исковую давность способом погашения иска, который реализуется в результате не предъявления его в течение определенного времени. При этом он отмечал, что бессрочное право на судебную защиту прекращается поскольку против его нарушения в

течение длительного времени не применяли судебную защиту [3, с. 136]. Однако эта теория была воспринята научными работниками лишь как такая, которая дает толчок для последующих исследований, поскольку в ней фактически отождествлялись понятия «право на защиту» и «право на иск».

И. В. Онищук исковой давностью называет срок, на протяжении которого может иметь место принудительное осуществление права через суд путем иска [4, с. 53].

По определению С. В. Романчука, исковая давность – это установлен законом срок исковой защиты права [5, с. 78]. По мнению Е. Б. Черепяхина, исковая давность также является установленным законом сроком для защиты нарушенного права путем предъявления иска к судебному органу [6, с. 120].

Особое значение института исковой давности заключается в том, что он составляет одну из гарантий защиты прав и обязанностей лица в соответствии с законодательством и обеспечивает укрепление дисциплины у участников гражданско-правовых и других отношений.

Нормативно отмечено, что каждый субъект, который считает, что его права и свободы нарушены, имеет право обратиться за защитой своих прав в суд, то есть имеет право на судебную защиту. Однако право на такую защиту законодательно ограничено, поскольку государство не может оставить решения вопроса о сроках защиты того или другого нарушенного права на лицо, потому что это приведет к затягиванию процесса и других негативных последствий. Ввиду того, что отдельные аспекты исковой давности в гражданском праве получили широкое научное изучение, вопрос природы и развития исковой давности имеет большое значение и сегодня является актуальным, поскольку, исследовав генезис института исковой давности, возможно усовершенствовать существующую систему защиты прав и нарушенных интересов лиц, а также развивать ее в прогрессивном направлении.

Различные аспекты развития института исковой давности в гражданских правоотношениях рассматривали такие ведущие ученые и юристы как В. В. Долинская, П. В. Крашенников и др. [7, 8]. Однако, ввиду необходимости последующего изучения и исследования темы возникновения и развития исковой давности, видится необходимость рассмотрения отмеченной тематики.

Большое внимание институту исковой давности было уделено в Соборном уложении царя Алексея Михайловича в 1649 году, где

расширено содержание исковой давности и содержатся конкретные правила ее приложения. В настоящем историческом правовом документе устанавливалось несколько сроков исковой давности, в зависимости от требований, на которые она распространялась. Исковая давность длительностью в 40 лет устанавливалась для младших братьев, начиналась с наступлением их совершеннолетия, в течение ее они имели право требовать возвращения незаконно проданной или заложенной старшим братом вотчины, которая находилась в общем владении братьев (ст. 13 гл. XVII). Таким образом, мы наблюдаем стремление законодателя защитить право собственности несовершеннолетних детей.

Исковая давность служит правовой гарантией стабильности гражданских правоотношений и установления пределов охраны субъективных прав и охраняемых законом интересов их участников. Это уточняет момент появления права на действия относительно защиты этих прав. Если невыполнением нарушаются права участника гражданских правоотношений, тот имеет право задействовать все средства, способы и формы их защиты: самостоятельные действия пострадавшего, обращения по требованию к нарушителю или в суд за применением принуждения к нарушителю в том случае, когда они не возобновлены в претензионном или оперативном порядке. Это должно быть сделано в разумный, оправданный срок. Институт исковой давности имеет гражданско-правовую природу, поскольку как юридический факт устанавливает правовые последствия, определяет сроки для защиты нарушенного гражданского материального права или интереса с помощью принудительных мероприятий.

Следовательно, формирование института исковой давности происходило постепенно и берет свое начало из права Древнего Рима. Можно сделать вывод, что в украинском гражданском законодательстве генезис понятия «исковая давность» началась с Русской Правды, где отсутствовали толкования этой правовой категории. Была внедрена десятилетняя исковая давность в Литовских уставах, при этом были установлены правовые последствия истечения срока исковой давности и условия их применения судом. В других законодательных актах была расширена правовая регуляция института исковой давности, а его доктринальное учение осуществлялось достаточно интенсивно и длится до сих пор, в зависимости от характера экономических отношений [7; 8].

В теории права существует мысль, согласно которой исковая давность является одним из юридических фактов, с наступлением

которого связаны определены правовые последствия. От начала хода исковой давности у кредитора возникает право на судебную защиту, а с истечением давностного срока такое право прекращается [7, с. 137].

Однако начало хода исковой давности – не единственный юридический факт, который предопределяет право на судебную защиту. Возникновение права на иск связано с правонарушением.

Общее правило не является нарушением – не возникает право на иск, следовательно, нет хода исковой давности» достаточно широко применялось в законодательстве и правоприменительной практике России еще в XIX ст. В частности, Правительственный Сенат в 1885 г. разъяснял, что началом хода исковой давности следует считать время, когда совершилось нарушение того права, защита которого составляет предмет иска.

Также следует отметить, что актуальным был вопрос о необходимости исчисления исковой давности от того дня, когда субъект нарушенного права узнал о факте нарушения и лицо нарушителя.

В разных странах длительность исковой давности и порядок ее вычисления законодательно определяются неодинаково. В России общая исковая давность устанавливается длительностью в три года [8, с. 33].

Согласно ст. 206 ГК лицо, являющееся должником, обязано выполнить свое обязательства. По окончании срока исковой давности право взыскания он теряет право на совершение действий по выполнению обязательств. Если должник в письменной форме признает свой долг течение исковой давности начинается заново (п. 2 ст. 206 ГК) [1].

Пропуск срока исковой давности не всегда свидетельствует о том, что срок исковой давности не может быть восстановлен.

Кроме того, поведение субъектов, участвующих в гражданско-правовых сделках, по конкретному смыслу данной статьи можно разбить на два вида.

Первый вид – осуществление действия по добровольному выполнению обязанностей после указанного периода, когда кредитор обратился в судебную инстанцию. Следствием является

Неспособность субъекта погасить долг, после того, как срок исковой давности заканчивается.

Согласно действующему гражданскому законодательству, если сторона подает иск сверх срока исковой давности, дело должен принять суд. Если после принятия дело будет признано удовлетворительным,

наступит юридическое последствие прекращения права на удовлетворение иска. Это показывает, что в гражданском законодательстве по истечении срока исковой давности стороны не теряют своих процессуальных прав, то есть права на предъявление иска.

Таким образом, стороны по-прежнему имеют право подать иск после истечения срока исковой давности, и суд примет дело к рассмотрению, но не может вынести решение о возбуждении иска. После принятия дела к производству суд решает, истек ли срок его действия *ex officio*. Если суд после рассмотрения определит, что срок исковой давности истек, он отклонит иск путем вынесением решения.

Второй вид имеет место в том случае, когда срок исковой давности начинает исчисляться со дня, когда ответчик обратился с письменным заявлением. Этот подход часто применяется в практической деятельности судебных органов. В частности, он был применен в решении Селемджинского районного суда Амурской области № 2-178/2020. 27 июля 2020 года, когда иск о компенсации был отклонен.

Поскольку срок исковой давности истек, и истец не погасил долг ответчика, ответчик предоставляет письменное заявление о признании задолженности [9].

Фрунзенский районный суд Ярославля 21 июля вынес решение по делу № 2-1905/2020 от 2020 года, в котором отметил, что по окончании срока исковой давности в письменной форме должник должен подтвердить свою задолженность. Заявление в суд не поступало, поэтому суд отказался удовлетворить иск [10].

В связи с этим представляется целесообразным в ст. 195 ГК РФ закрепить поправку, в которой бы были уточнены положения правовых норм об ограничениях судебных разбирательств.

Особое значение института исковой давности заключается в том, что он составляет одну из гарантий защиты прав и обязанностей лица в соответствии с законодательством и обеспечивает укрепление дисциплины у участников гражданско-правовых и других отношений. Нормативно отмечено, что каждое лицо, которое считает, что его права и свободы нарушены, имеет право обратиться за защитой своих прав в суд, то есть имеет право на судебную защиту. Однако право на такую защиту законодательно ограничено, поскольку государство не может оставить решение вопроса о сроках защиты того или иного нарушенного права, потому что это приведет к затягиванию процесса и других негативных последствий. Ввиду того, что отдельные аспекты исковой

давности в гражданском праве получили широкое научное изучение, вопрос природы и развития исковой давности имеет большое значение и сегодня является актуальным, поскольку, исследовав генезис института исковой давности, возможно усовершенствовать существующую систему защиты прав и нарушенных интересов лиц, а также развивать ее в прогрессивном направлении.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 25.12.2006. – № 52(1 ч.). – Ст. 5496.
2. Афанесян, К. К. Применение исковой давности / К. К. Афанесян, М. С. Антипова // Энигма. – 2021. – № 37. – С. 18–23.
3. Дряхлова, Л. И. Проблемы применения института исковой давности на стадии подготовки дела к судебному разбирательству в гражданском судопроизводстве / Л. И. Дряхлова // Трибуна ученого. – 2021. – № 4. – С. 138–146.
4. Онищук, Н. В. Требование о защите нарушенного права и возможность исполнения обязанностей за пределами срока исковой давности / Н. В. Онищук // Modern Science. – 2021. – № 8. – С. 53–57.
5. Романчук, С. В. Институт исковой давности в условиях пандемии COVID-19 / С. В. Романчук // IV Сибирские правовые чтения: государство и право в условиях глобальных ограничений : сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Тюмень, 30 октября 2020 года. – Тюмень : Тюменский государственный университет, 2021. – С. 78–81.
6. Черепяхин, Б. Б. О начальном моменте течения исковой давности / Б. Б. Черепяхин // Вестник Ленинградского университета. – Серия экономики, философии и права. – 1959. – № 6, вып. 1. – С. 120–122.
7. Долинская, В. В. Гражданское право. Сроки. Исковая давность : учебное пособие для бакалавров / В. В. Долинская. – Москва : Проспект, 2016. – 478 с.
8. Крашенинников, П. В. Гражданский кодекс Российской Федерации. Сделки. Решения собраний. Представительство и доверенность. Сроки. Исковая давность. Постатейный комментарий к главам 9-12 / П. В. Крашенинников. – Москва : Статут, 2016. – 368 с.
9. Решение № 2-178/2020 2-178/2020~М-174/2020 М-174/2020 от 27 июля 2020 г. по делу № 2-178/2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9PwNM6BCzyQO> (дата обращения: 10.04.2021). – Загл. с экрана.

10. Решение № 2-1905/2020 от 27 июля 2020 г. по делу № 2-2562/2019~М-1983/2019 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9xxmF5xJHNVJ/> (дата обращения: 10.04.2021). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 30.11.2023 г.

INSTITUTE OF LIMITATION AND THE PROBLEM OF PROTECTION OF VIOLATED RIGHTS IN CIVIL LAW

The article examines the theoretical and practical features of the institution of limitation of actions and the problems of protecting violated rights in civil law. The features of the requirement to protect a violated right are considered. The possibility of fulfilling obligations beyond the limitation period is substantiated. The features of the legislative regulation of the limitation period are presented, as well as the influence of the limitation period on the exercise of these powers. Using materials from judicial practice, it is shown what problems arise in connection with the exercise of these powers.

Keywords: civil claim, limitation period, court, protection of rights, restoration of deadlines

Лебедь Наталья Александровна
аспирант ФГБОУ ВО «Донецкий
государственный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: n.lebed@inbox.ru

Lebed Natalya
Postgraduate student of the Donetsk
State University
DPR, Donetsk
E-mail: n.lebed@inbox.ru

УДК 340.12:94(73:437)"195/196":070.1-054.72

Лещенко И. И.
Свиридова К. Е.

РОЛЬ ЭМИГРАНТОВ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ (НА ПРИМЕРЕ АМЕРИКАНО-ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ОТНОШЕНИЙ 1950-Х ГГ.)

В статье ставится задача исследовать роль и значение эмигрантов в информационной войне, проводимой США в отношении послевоенной Чехословакии. Авторами актуализируется изучение исторического опыта как приоритетного направления в понимании возможных методов вовлечения эмиграции в информационно-политическую войну против Родины.

Ключевые слова: информационно-психологическая война, «холодная война», американско-чехословацкие отношения, чехословацкая эмиграция, беженцы.

Наряду с политическими действиями и экономическими санкциями «информационное» наступление стало одним из основных направлений «холодной войны», проводимой США в отношении послевоенной Чехословакии. В американской внешнеполитической пропаганде доминировали две взаимосвязанные тенденции: широкое развертывание антикоммунистической пропаганды, «информационно-психологической войны» против социализма и всемерная апологетика «американского образа жизни».

Развёртывание «информационной войны» проявлялось при поддержке антисоциалистической эмиграции, в организации оппозиционных сил в стране для подрыва её обороноспособности шпионажем и подготовкой вооруженного путча, а также в многочисленных провокационных нарушениях воздушного пространства и государственной границы Чехословакии с разведывательными и диверсионными целями.

© Лещенко И. И., Свиридова К. Е., 2023

Чехословацкой эмиграции Вашингтон придавал особое значение в том смысле, что «эмигрантские группы служат ... главным и незаменимым каналом, ведущим к силам внутреннего сопротивления» [1, с. 29]. Соединенные Штаты использовали эмигрантов в качестве «идеологических рупоров», так как они «лучше знают язык, психологию, обычаи, традиции страны ...» [1, с. 75]. 16 июля 1948 г. Дж. Маршалл направил телеграммы дипломатическим представительствам в Прагу, Будапешт, Бухарест, Белград, Софию и Москву с просьбой направить эмигрантов в США для работы на радиостанции «Голос Америки». 2 сентября 1948 г. он заявил об использовании эмигрантских групп в «информационной программе» США [2, с. 425].

В ходе обсуждения в конгрессе вопроса «беженцев», которые находились в лагерях для перемещенных лиц американской зоны оккупации в Западной Германии, конгрессмен Стефан предложил предоставить убежище примерно трём тысячам чехословацких эмигрантов, что составляло 25 %, остальным должны были предоставить убежище Англия, Франция, Италия. Всего из ЧСР с 26 февраля по 15 марта 1948 г. эмигрировало в американскую, английскую и французскую зоны оккупации около 12 тысяч человек, среди которых были «бывшие министры, члены парламента, офицеры, солдаты, профессора, студенты, инженеры и квалифицированные рабочие» [3, р. 7730, 7731]. 8 июня 1948 г. конгресс США одобрил билль, согласно которому 2 874 эмигранта получили американские визы. По данным Иммиграционной комиссии, в США с 1941 по 1947 гг. прибыли 6 943 человека из Чехословакии. В период с 1945 по 1948 гг. в США прибыло в среднем в два раза больше, чем в годы войны. Так, в 1945 г. – 274 чел., в 1946 г. – 964, 1947 г. – 2 663, в 1948 эмиграция достигла наибольшего числа – 2 874 человек, что объяснялось непризнанием ими народно-демократических преобразований. Конгрессмен Стефан отмечал, что по иммиграционному закону США не имели права принимать политических эмигрантов, но «чехословацкая массовая эмиграция является исключительным случаем», поскольку такой массовой эмиграции в результате «коммунистического переворота» не было с конца второй мировой войны, поэтому их необходимо принять. Более того, американское население чехословацкого происхождения, насчитывавшее более одного миллиона человек, как указывал Стефан, сам чех по происхождению, хотело «поддержать своих родственников» [3, р. 7764].

«Новую» эмиграцию «мучеников демократии» возглавляли правые лидеры социал-демократии, группа национальных социалистов под руководством бывшего председателя партии П. Зенкла и бывшего министра внешней торговли Г. Рипки, лидеры народной (католической) партии Шрамек, Гала и другие, а также дипломаты Гейдрих и Папанек.

После февраля значительно поднялась роль «старой эмиграции», сформированной после второй мировой войны. Эта группа была, в основном, представлена коллаборационистами, которыми руководил бывший генерал Прхала. К «старой эмиграции» принадлежали главари фашистского режима Тисо: бывший министр иностранных дел братиславского правительства Дурчанский, бывший посол в Ватикане Сидор, бывший генеральный секретарь «глинковской словацкой народной партии», один из главных агентов нацизма в Словакии Кишбаум, бывший посол тисовского режима в Берлине Чернак, бывший редактор людацкого органа «Словак» Научо. Сюда же входили представители крупного капитала: обувной «король» Батя, южночешский латифундист Шварценберг, фабрикант Зигмунд и др. [1, с. 26].

Эмигранты включались в антикоммунистическую борьбу посредством организаций, созданием которых руководили американские кураторы. Директор отдела по делам Центральной Европы А. Веделер обсуждал вопрос о создании в Нью-Йорке «Комитета помощи Чехословакии», основной задачей которого являлись «установление контактов с силами внутреннего сопротивления», поддержка связи с эмигрантами в Англии и Канаде, а также помощь «беженцам» в Западной Германии. Генеральный секретарь словацкой демократической партии М. Годжа предложил провести собрание чехословацких лидеров в Нью-Йорке, включая всех бывших членов парламента, которое, как отмечалось в меморандуме, поставит США в положение единственного защитника чехословацкого вопроса в ООН [2, р. 414, 415].

25 июня чешскими эмигрантами Осусским, Славиком, Папанеком в госдепартамент был направлен меморандум, основной целью которого было «восстановление закона и демократического порядка в Чехословакии» [2, р. 425]. Авторы документа выразили надежду на помощь и поддержку Соединенных Штатов. 30 июня меморандум был опубликован «Нью-Йорк Таймс». 18 июля на собрании эмигрантов в Нью-Йорке обсуждался вопрос о создании подготовительного комитета «Совета свободной Чехословакии» (ССЧ) в Вашингтоне. «Главной целью Совета является обеспечение непрерывной помощи политической

эмиграции из Чехословакии», – отмечал госсекретарь Маршалл в телеграмме 2 сентября посольству Великобритании [2, р. 429]. На следующем собрании в октябре бывший председатель национально-социалистической партии П. Зенкл и бывший председатель Словацкого Национального Совета и Демократической партии Леттрих были избраны председателем и заместителем председателя подготовительного комитета. П. Зенкл послал приглашения на конференцию руководителям чехословацких эмигрантов в Париже и Лондоне. Госдепартамент брал на себя расходы по организации конференции. Из-за отсутствия согласия между эмигрантскими руководителями о создании ССЧ было объявлено только 20 февраля 1949 г. на конференции в Вашингтоне. 23 февраля Зенкл и Леттрих направили письмо госсекретарю, в котором указывали, что цель ССЧ – «объединить чехословацкие эмигрантские силы в борьбе против коммунизма и фашизма» [4, р. 277, 278]. Это было одной из попыток подчинения остальных эмигрантских организаций. Как отмечал чехословацкий историк Милош Матоуш, «почти каждый второй эмигрантский орган, едва возникнув, уже своей программой, и, более того, самим названием заявлял о претензии на ведущие позиции в руководстве всем эмигрантским движением» [1, с. 27]. Программа ССЧ предусматривала восстановление буржуазных порядков в Чехословакии. Членами ССЧ формально являлись все министры и депутаты дофевральского правительства и Национального собрания, бежавшие на Запад. Штаб-квартира Совета находилась в Вашингтоне, откуда должно было исходить руководство региональными организациями в Англии, Франции, Италии и других странах, связь с которыми осуществлялась посредством исполнительного органа, состоявшего из 12 членов Совета. Позиция Соединенных Штатов в отношении эмигрантов четко отражена в политическом заявлении госдепартамента от 15 декабря 1949 г. с грифом «секретно», в котором отмечалось, что руководители эмиграции создали ССЧ с «нашего одобрения», чтобы объединить «демократические силы в изгнании с нацией дома». ССЧ являлся «направляющим центром для тех, кто посвятил себя освобождению своей страны». Совет включал 180 представителей эмиграции [4, р. 418].

Чехословацкий национальный совет в США, в отличие от ССЧ, наряду с послефевральскими эмигрантами пытался использовать представителей земляческих объединений и послевоенной эмиграции. Располагая сильными связями с официальными кругами США, он

оказывал с помощью американских средств информации воздействие на эмигрантов. Правые группы сформировали заграничные комитеты национальных социалистов и социал-демократов. «Постоянную конференцию словацких демократических эмигрантов» возглавил Леттрих. Активизировалась деятельность старой Словацкой лиги в Америке.

Все эмигрантские организации на службе США направили всю свою деятельность на установление контактов с силами внутреннего сопротивления. Опубликованные материалы судебного процесса в Праге в мае 1950 г. над 13-ю членами руководства нелегальных организаций свидетельствовали о готовившемся сразу же после февраля 1948 г. антигосударственном перевороте под непосредственным руководством эмигрантских групп во главе с П. Зенклом, Г. Рипной и другими. Зенкл уполномочил бывшего депутата парламента М. Горакову руководить оппозиционными силами. М. Горакова создала и вместе с бывшим членом Центрального комитета национально-социалистической партии И. Неставалом возглавила нелегальную организацию. Они получали из США и передавали специальным группам приказы усилить информационный шпионаж, поддержать терроризм, оказывать сопротивление в промышленности.

Весной 1948 г. бывший генеральный секретарь социал-демократической партии В. Дундра, профессор Пражского университета З. Пешка и бывший депутат парламента Э. Бенеш создали нелегальную организацию «Чехословацкая независимая социал-демократия», целью которой были сформулированные З. Пешкой в «программном заявлении» требования реставрации капитализма. Организация имела американскую радиостанцию и другие средства связи на случай войны. Её руководство готовило нелегальные группы для антигосударственной деятельности. Островская террористическая организация во главе с бывшим старшим стражмистром корпуса национальной безопасности Я. Бухалом составила план вооруженного путча и готовила свержение правительства. Нелегальная группа бывшего национально-социалистического депутата А. Клейнеровой в направленном США меморандуме просила открытого вмешательства. Горакова в сообщении для Зенкла и Рипки просила сообщить, когда можно рассчитывать на военное вмешательство [5, с. 17].

Особое внимание уделялось сбору шпионских сведений, которые Горакова передавала Зенклу и Рипке. В апреле 1949 г. бывший фабрикант

И. Гейда составил экономическую программу, которая содержала требования возврата предприятий и фабрик бывшим владельцам. Он рекомендовал проникновение заграничного капитала и называл предприятия, которые должны были попасть в руки Ротшильдов, Рокфеллеров, Крезо и других капиталистов – шкодовские заводы, шахты Островской области и другие предприятия. Оптовая торговля также предназначалась иностранным капиталистам.

И. Неставал старался связать с нелегальным руководством как можно больше антигосударственных групп, в частности возникший под его руководством в апреле 1948 г. «Экономический совет», членами которого были бывшие руководители национально-социалистической партии. От совета он получал информацию экономического характера и программу «За свободную Чехословакию» с требованиями восстановления капитализма в результате готовившегося переворота. Получив от Рипки и Зенкла по два письма с инструкциями, он давал задания «Экономическому совету» по сбору сведений, которые посредством агентов передавались американским центрам. И. Неставал получил от этого совета всего восемь сообщений о промышленном производстве республики, а также о производстве оружия [5, с. 16].

По инициативе американской разведки в оккупационной зоне Германии весной 1948 г. была создана нелегальная террористическая организация «Чешский комитет», готовившая план антиправительственного восстания. Участники её – бывшие депутаты народной партии Бушек, Коварна и другие в составе двух групп в мае были переброшены в Чехословакию, получив задание организовать убийства шести видных деятелей, в том числе министра национальной обороны генерала Л. Свободы [6, с. 631, 633]. 27 апреля американскому агенту М. Хоку удалось убить известного партизанского командира А. Шрамма. Этот случай не был единичным. План убийства Л. Свободы был раскрыт органами госбезопасности.

Связь бывшего депутата Ф. Земиновой, которая с лета 1949 г. организовала и объединила нелегальные организации, с Западом наладил агент ЦРУ И. Цорн. Агент ЦРУ Фр. Амброж письменно подтвердил, что её сообщения переданы Зенклу. Дальнейшую связь она наладила через члена группы В. Родовского, который в начале 1949 г. эмигрировал в США. Руководство антигосударственного заговора имело в своем распоряжении 1 млн. 400 тыс. крон, которые присвоил из средств чехословацкой социалистической партии до своего отъезда в США Г.

Рипка и передал их для поддержки нелегальной деятельности. Из этих средств только Неставал получил 30 тыс. крон [5, с. 11, 16]. Это был их не единственный финансовый источник.

Чехословацкая оппозиция переводила за рубеж денежные средства путем коммерческих сделок и валютных махинаций. В первой половине 1948 г. министерством финансов ЧСР было проведено 143 ревизии с целью выявления источников утечки валюты, в результате которых обнаружено 110 преступных нарушений валютного обращения [7, с. 48]. Например, завод по обработке горного хрусталя фирмы Йозефа Штепанека в г. Тиниште отправлял свою продукцию в США фирме Кусаковых, занижая цены на 60 % и более. Хрустальные тарелки стоимостью 300 крон продавались американским заказчикам 115 крон, вазы стоимостью 370 крон – за 136 крон, блюда по 450 крон – за 155 крон. Национальный убыток этой фирмы за полгода составил 1 млн. крон [7, с. 49]. Владелец фирмы Алоиза Прохазки был американец, который имел филиал фирмы за океаном. Торговый оборот составил 1 млн. крон в год, половина которого шла американскому филиалу. По заниженным ценам отправлялась продукция в США: ликерный набор стоимостью 300 крон – за 80 крон, вазы стоимостью 110 крон – за 30 крон. Нанесенный этой фирмой ущерб составлял 230 тыс. крон. Родственные связи владельцев экспортировавшей бижутерию фирмы Л. Рауснитзова в Яблонце с американской фирмой в Нью-Йорке послужили поводом к утечке валюты, которая с 1945 по 1947 гг. составила 68 млн. 350 тыс. крон [7, с. 50]. Брат владельцев фирмы Вольфа в Яблонце в 1946 г. эмигрировал в США и основал свою фирму. В результате торговли чехословацкой продукцией по заниженным ценам на 2 млн. 500 тыс. крон американской фирмой было получено свыше 3 млн. 100 тыс. крон [7, с. 52]. Пражская фирма Л. Липского тайно отправила в Соединенные Штаты 700 тыс. крон. Всего из национального банка Чехословакии в результате махинаций утечка валюты составила в первой половине 1948 г. 3 млрд. крон [7, с. 47].

Только часть эмигрантского руководства имела регулярный доход. Например, Зенклу после его полного политического банкротства в 1956 г. американцы определили месячную пенсию в 300 долларов, чего не имели даже его ближайшие сотрудники [1, с. 30]. Бывший депутат от национально-социалистической партии, публицист Ф. Клатил зарабатывал себе на жизнь в течение двадцати лет моряком на американском судне. В. Майер в эмиграции исполнял обязанности

председателя исполнительного комитета социал-демократии в изгнании, участвовал в работе Социалистического интернационала и так называемого «Объединения порабощенных народов Европы», но был вынужден работать кладовщиком, чтобы обеспечить существование.

Администрация Д. Эйзенхауэра открыто указывала, что цели «освобождения» могут быть достигнуты лишь «непрерывной войной нового типа – политической, подрывной, идеологической войной». 22 апреля 1954 г. в Нью-Йорке на собрании ассоциации издателей газет президент Эйзенхауэр открыто призывал «направить печать и радио против коммунизма» [8].

Важным шагом в консолидации эмигрантских групп было создание в сентябре 1954 г. под руководством ИКСЕ в Нью-Йоркском Международном центре Карнеги Ассоциации Порабощенных Европейских Наций (АСЕН), целью которой было объявлено «служить освобождению наций Центральной и Восточной Европы от коммунистического гнёта» [9, р. 141].

В рождественском «Обращении к нациям свободного мира» 1955 г. АСЕН пыталась убедить в «незаконности» правительств восточноевропейских стран, призвать ООН наблюдать за выборами в этих странах, а если их правительства будут препятствовать, объявить их агрессорами. Поскольку же «усилия Запада к расширению торговых отношений с Востоком будут иметь особенно вредный эффект на настроения порабощенных наций», деятели АСЕН рекомендовали торговое эмбарго [9, с. 142].

Д. Ф. Даллес в ответ на обращение АСЕН «признал значение эмигрантских организаций не меньшим в их влиянии на американскую внешнюю политику, чем на восточноевропейскую». Придавая им пропагандистскую функцию, американское правительство «обеспечило эмигрантские группы ... официальным статусом» [9, с. 142]. Для координации стратегии Эйзенхауэр учредил специальный комитет по делам РСЕ под руководством советника Белого дома по вопросам ведения «психологической войны» Л. Джексона.

Таким образом, американский курс «с позиции силы» стал ответной реакцией на демократическое послевоенное устройство в Восточной Европе. Администрация Г. Трумэна и республиканское правительство Эйзенхауэра проводили в отношении Чехословакии агрессивную политику в рамках доктрин «сдерживания коммунизма» и «освобождения». Придавая определенное значение стратегической

позиции ЧСР с точки зрения перспективы восстановления капитализма в восточноевропейских странах, США намеревались в 1947–1948 гг. изменить внешнеполитическую ориентацию Чехословакии на Запад. Особенность американо-чехословацких отношений определялась тем, что часть чехословацкой буржуазии, во-первых, сохраняла важные позиции в политической и экономической сферах, во-вторых, сохраняла связи с западными державами (в том числе с Соединенными Штатами), пользовалась их поддержкой, рассчитывая с их помощью воспрепятствовать социалистическому развитию ЧСР. Однако США тогда не оправдали возложенные на них надежды.

Список источников

1. Матоуш, М. Фронт без перемирия : Чехословакия в борьбе против идеол. Диверсии / М. Матоуш. – Москва : Политиздат, 1977. – 263 с.
2. Foreign Relations of the United States, 1948. Vol. 4. Eastern Europe. – Washington: Gov. Print. Off., 1974. – 758 p.
3. Congressional record. – Washington, 194 Washington 8. – Vol. 94. – P. 7730–7731.
4. Foreign Relations of the United States, 1949. – Vol. 5. – Eastern Europe. – Washington : Gov. Print. Off., 1976. – 430 p.
5. Чехословацкая республика. Государственный суд. Процесс руководителей вредительского заговора против республики : Горакова и сообщники. – Прага : М-во юстиции, 1950. – 290 с.
6. Dokymenty ěeskoslovenské zahraniění politiky, 1945–1960. – Praha : Státní nakladatelství politické literatury, 1960. – 785 s.
7. Ěerna kniha kapitalistického hospodaění pěd únorem 1948: Sbírka dokumentů. – Praha: Vydalo ministerstvo informáěe spolupráce se všemi hospodaěskými ministerstvy a jinými vrcholnými hospodaěskými institucemi., 1948. – 185 s.
8. New York Times. – 1954. – Apr. 23.
9. Kovrig B. The Myth of liberation: East–Central Europe in US Diplomacy & Politics since 1941. – Baltimor, London: Hopkins Univ. Press, 1973. – P. 62–274.

Поступила в редакцию 30.11.2023 г.

THE ROLE OF EMIGRANTS IN THE INFORMATION WAR (ON THE EXAMPLE OF THE AMERICAN-CZECHOSLOVAK RELATIONS OF THE 1950S)

The article aims to explore the role and importance of emigrants in the information war waged by the United States against post-war Czechoslovakia.

The authors actualize the study of historical experience as a priority in understanding possible methods of involving emigration in the information and political war against the Motherland.

Keywords: information and psychological warfare, the Cold War, American-Czechoslovak relations, Czechoslovak emigration, refugees.

Лещенко Ирина Ивановна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и
истории государства и права
ФГБОУ ВО «Донецкий
государственный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: leshchenko_donnu@mail.ru

Leshchenko Irina

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the
Department of Theory and History
of State and Law of Donetsk
State University
DPR, Donetsk
E-mail: leshchenko_donnu@mail.ru

Свиридова Кристина

Евгеньевна

ассистент кафедры теории
и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Донецкий
государственный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: k.sviridova.donnu.jur@mail.ru

Sviridova Kristina

Assistant of the Department of
Theory and History of State and
Law of Donetsk State University
DPR, Donetsk
E-mail: k.sviridova.donnu.jur@mail.ru

УДК 341.1/8

Соловьёва Ю. А.

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В РАМКАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В статье рассмотрены механизмы межгосударственного взаимодействия по борьбе с киберпреступностью, реализуемые в рамках СНГ, ШОС, ОДКБ и БРИКС, что дало возможность определить практические мероприятия, реализация которых позволит повысить эффективность противодействия указанному деструктивному явлению.

Ключевые слова: международное сотрудничество; киберпреступность; кибербезопасность; кибератаки; информационные угрозы.

Безапелляционно, что современная транснациональная преступность носит организованный высокотехнологичный и латентный характер, причиняя обществу и экономике любого государства колоссальный вред. Простая совокупность усилий государств по противодействию транснациональным преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий, не ведет к искомому результату – необходима консолидация сил мирового сообщества для борьбы с этим деструктивным явлением.

Рассмотрению вопросов межгосударственного сотрудничества по борьбе с киберпреступлениями определенное внимание уделено в работах А. В. Мнацаканян, А. В. Бедрицкого, К. Н. Евдокимова, Л. М. Старковой и пр. Однако, несмотря на значительное количество научных работ в указанной сфере правоотношений, в настоящее время ощущается нехватка исследований, которые бы учли новые тенденции в развитии механизмов сотрудничества государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий в рамках

© Соловьёва Ю. А., 2023

региональных международных организаций, участниками которых является Российская Федерация.

В связи с обозначенным целью данного исследования является анализ современного состояния и перспектив развития направлений сотрудничества государств по противодействию киберпреступности в рамках региональных международных организаций.

И, прежде всего, отметим, что международное сотрудничество является неотъемлемой составляющей современных отношений между государствами независимо от их политического, экономического и социально-культурного устройства, представляет собой своеобразную основу поддержания международного мира и безопасности. Международное сотрудничество, бесспорно, является сложной системой отношений, включающей согласованную политику, законодательство, правоприменительную, организационно-управленческую, информационную, научно-исследовательскую деятельность государств во всех либо в определенной сфере правоотношений. Задачами такого сотрудничества является, с одной стороны, усовершенствование международно-правовых норм, а с другой – согласованность действий государств для достижения определенной цели.

Анализируя механизмы межгосударственного сотрудничества в сфере борьбы с киберпреступлениями, прежде всего, стоит рассмотреть указанное направление взаимодействия, реализуемое в рамках Содружества Независимых государств (далее – СНГ).

Так, СНГ – представляет собой межправительственную международную организацию, объединяющую 9 государств-членов (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Российская Федерация, Таджикистан, Узбекистан) и 1 ассоциированного члена (Туркмения).

В соответствии со ст. 2 Модельного закона для государств – участников СНГ «О противодействии киберпреступности» «противодействие киберпреступности – деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий по предупреждению киберпреступности (профилактика); выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию киберпреступлений; минимизации и (или) ликвидации последствий киберпреступлений» [1].

И в этом контексте сразу следует отметить важность разработки модельного законодательства, которое после имплементации в

национальные правовые системы государств СНГ позволит его унифицировать в части определения перечня киберпреступлений, осуществления мер по профилактике и направлений межгосударственного взаимодействия (в частности, помощи в расследовании уголовных преступлений).

Непосредственно формы сотрудничества государств по противодействию указанному виду преступлений закреплены в Соглашении о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 28 сентября 2018 г. [2], которым к таковым отнесены следующие: 1) обмен информацией; 2) исполнение запросов об оказании содействия в получении информации, которая может способствовать предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступления, совершенного в отношении гражданина запрашивающей Стороны либо на территории запрашивающей Стороны, о проведении оперативно-розыскных мероприятий; 3) планирование и проведение скоординированных мероприятий и операций по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере информационных технологий; 4) оказание содействия в подготовке и повышении квалификации кадров, в том числе путем стажировки специалистов, организации конференций, семинаров и учебных курсов; 5) создание информационных систем и программных продуктов, обеспечивающих выполнение задач по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере информационных технологий; 6) обмен публикациями и результатами научных исследований, а также проведение совместных научных исследований по представляющим взаимный интерес проблемам борьбы с преступлениями в сфере информационных технологий; 7) обмен нормативными правовыми актами, научно-технической литературой по борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий; 8) обмен программными продуктами и решениями, используемыми в предупреждении, выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений в сфере информационных технологий в рамках взаимодействия и обмена опытом; 9) исполнение запроса о неотложном обеспечении сохранности хранящихся в компьютерных системах данных и др. другие взаимоприемлемые формы.

Для реализации указанного Советом глав государств СНГ 13 октября 2023 была утверждена Межгосударственная программа

совместных мер борьбы с преступностью на 2024–2028 годы [3], которой, среди прочего, определяются организационно-правовые, организационно-практические мероприятия, направления информационного и научного обеспечения в сфере противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий.

Кроме того, для взаимодействия государств по защите критической информационной инфраструктуры в Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) 19 декабря 2023 года Парламентская ассамблея ОДК приняла Модельный закон «О защите информации и кибербезопасности» [4]. Цель данного закона – создание комплексной системы правового регулирования отношений в сфере защиты информации и актуализация правовой и организационной основы информбезопасности критической информационной инфраструктуры и государственных информсистем, направленной на предупреждение и предотвращение деструктивных информационных воздействий и иных информугроз, что, в свою очередь, позволит существенно снизить риски общественно-политических, финансовых и иных негативных последствий для государства. Кроме этого принятие указанного закона позволит унифицировать национальное законодательство государств – участников ОДКБ в данной сфере правоотношений.

В рамках ШОС вопрос информационной безопасности также достаточно давно стоит на повестке дня. Связано это с тем, что, во-первых, кибератаки могут нанести существенный вред критической инфраструктуре государств-членов, а во-вторых, посредством сети Интернет создается угроза криминальной и террористической активности, распространения экстремистской идеологии, вербовки террористов и наемников. Кроме того, участники объединения взяли курс на развитие цифровой экономики, что помимо очевидных выгод от синхронизации и интегрирования различных бизнес-проектов сопряжено с соответствующими рисками [5].

Еще в 2007 году в рамках ШОС был утвержден Долгосрочный план действий по информационной безопасности, в котором прописаны необходимые меры для противодействия использованию информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в террористических целях, обеспечения безопасного, стабильного функционирования и интернационализации управления глобальной сетью Интернет [5].

Россией также подписано Соглашение между правительствами государств – членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 16 июня 2009 г. [6], которым не только определяются основные угрозы в сфере обеспечения международной информационной безопасности, но и направления и принципы, конкретные формы и механизмы сотрудничества.

Позже в рамках Совета Региональной антитеррористической структуры (далее – РАТС) ШОС была создана рабочая группа экспертов «по выработке предложений по выявлению, предупреждению и пресечению использования сети Интернет в террористических, сепаратистских и экстремистских целях». Впервые совместное штабное учение компетентных органов государств-членов ШОС по противодействию использованию сети Интернет в террористических, сепаратистских и экстремистских целях состоялось в октябре 2015 года в китайском городе Сямынь [7, с. 15].

Реализация положений Соглашения ШОС в сфере обеспечения международной информационной безопасности осуществляется на ежегодных совещаниях руководителей силовых министерств и ведомств ШОС, где особое внимание уделяется вопросам профилактики и борьбы с киберпреступностью [8, с. 92].

Важно также заметить, что в рамках ШОС была создана группа экспертов по международной информационной безопасности (далее – МИБ), которой разработано «Правила поведения в области обеспечения МИБ», которые в 2015 году были внесены в качестве официального документа ООН. Ключевой особенностью такой инициативы ШОС является ее миротворческий характер: «в документе закреплено обязательство государств не применять ИКТ в целях нарушения международного мира и безопасности, а также для вмешательства во внутренние дела других государств и подрыва их политической, экономической и социальной стабильности. Кроме того, «Правила поведения» предусматривают обязательство государств воздерживаться от применения силы или угрозы силой в ходе разрешения международных споров, возникающих в цифровой сфере». На последнем саммите ШОС, прошедшем в Астане в июне текущего года, государства-члены выступили за разработку универсального кодекса правил, принципов и норм ответственного поведения государств в информационном пространстве, рассматривая вышеупомянутые «Правила поведения» как важный шаг в этом направлении [5]. Хотелось

бы отметить, что данные правила взяты на вооружение Группой правительственных экспертов ООН.

Важно заметить, что сегодня вопросы международного сотрудничества в сфере противодействия преступлениям в информационной сфере находятся также в поле зрения БРИКС (межгосударственное объединение, союз десяти государств: Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, Иран, Саудовская Аравия, ОАЭ, Египет, Эфиопия) в формате консультаций экспертных групп. Например, на 12-м саммите БРИКС (17 ноября 2020 г., г. Москва) в принятой Московской декларации глав государств была отмечена обеспокоенность в связи с увеличением числа и растущей сложностью случаев использования ИКТ в преступных целях, а также отсутствием многосторонней базы для противодействия использованию ИКТ в преступных целях; был признан факт того, что для противодействия новым вызовам и угрозам в данной сфере необходимо сотрудничество и обсуждение на международном уровне возможностей формирования нормативно-правовых основ, включая потребность в разработке под эгидой ООН всеобъемлющей международной конвенции по борьбе с использованием ИКТ в преступных целях [9].

Сегодня в рамках БРИКС сформулирована Повестка цифрового сотрудничества. При этом данная проблематика в качестве самостоятельной сферы была оформлена еще в 2015 году (во время проведения первого совещания министров связи стран БРИКС, на котором среди приоритетов сотрудничества впервые было выделено – многостороннее взаимодействие в сфере ИКТ, включающее в себя обеспечение международной информационной безопасности).

Важно заметить, что проблематика международной информационной безопасности твердо укрепились на повестке БРИКС усилиями России, которая выступает инициатором обсуждения данной темы на и глобальном уровне. В качестве примера стоит привести российское председательство 2020 г., когда была принята Антитеррористическая стратегия БРИКС [10], которой в качестве приоритетных мер было закреплено «противодействие распространению экстремистских идей, ведущих к терроризму, а также использованию террористами Интернета и социальных сетей в целях вербовки, радикализации и подстрекательства, а также для предоставления террористам материально-финансовой поддержки», а также «укрепление взаимодействия в борьбе с использованием ИКТ в террористических и иных преступных целях».

В следующем 2021 году, когда председателем стала Индия, указанные приоритеты были закреплены в Плане по противодействию терроризму [11], которым закреплялась приверженность государств – участников БРИКС сотрудничеству в противодействии преступному использованию возможностей ИКТ и Интернета. Для обеспечения международной безопасности вообще и противодействия киберпреступности в частности, в указанном плане было выделено два направления сотрудничества: координация внешних политик государств для продвижения данной повестки в рамках ООН и институционализация взаимодействия, которая реализуется, прежде всего, в области антитеррористической повестке БРИКС [12].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что основной проблемой, затрудняющей взаимодействие государств в том числе на региональном уровне по противодействию киберпреступности, остается отсутствие универсального международного акта, регулирующего данную сферу правоотношений. Исследование направлений сотрудничества государств по противодействию киберпреступности в рамках региональных международных организаций позволило определить практические мероприятия, которые должны быть реализованы с целью усовершенствования механизмов такого сотрудничества, а именно: создание контактных центров для реализации сотрудничества государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий; разработка механизмов проведения двусторонних и многосторонних консультаций; укрепление доверия региональных форумов; создание региональной базы данных с лучшими практиками по развитию национального законодательства и усовершенствованию стратегий в рассматриваемой сфере; создание дополнительных механизмов для рассмотрения запросов о правовой помощи по уголовным делам о преступлениях в сфере информационных технологий.

Список источников

1. Модельный закон для государств-участников СНГ «О противодействии киберпреступности»: Постановление МПА СНГ от 14.04.2023 года № 55-20 // Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ [Электронный ресурс]. – URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения: 10.05.2024). – Загл. с экрана.

2. Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 28 сентября 2018 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cis.minsk.by/reestr2/doc/5864#text> (дата обращения: 10.05.2024). – Загл. с экрана.
3. Советом глав государств СНГ утверждена Межгосударственная программа совместных мер борьбы с преступностью на 2024–2028 годы // Исполнительный комитет СНГ [Электронный ресурс]. – URL: https://cis.minsk.by/news/26238/sovetom_glav_gosudarstv_sng_utverzhdena_mezhgosudarstvennaja_programma_sovmestnyh_mer_borby_s_prestupnostju_na_2024 (дата обращения: 10.05.2024). – Загл. с экрана.
4. ПА ОДКБ поддержала модельный закон о безопасности критической IT-инфраструктуры // ТАСС [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19575759> (дата обращения: 10.05.2024). – Загл. с экрана.
5. ШОС в борьбе за безопасность в «информационном океане» // Международная жизнь [Электронный ресурс]. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/18143> (дата обращения: 10.05.2024). – Загл. с экрана.
6. Соглашение о сотрудничестве в сфере обеспечения международной информационной безопасности Шанхайской организации сотрудничества (Екатеринбург, 16 июня 2009 года) [Электронный ресурс]. – URL: <https://ccdcoe.org/uploads/2018/11/SCO-090616-IISAgreementRussian-1.pdf> (дата обращения: 10.05.2024). – Загл. с экрана.
7. Тараканова, Т. С. Обеспечение региональной безопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества / Т. С. Тараканова // Наука Красноярья. – № 6(39). – 2016. – С. 97–111.
8. Евдокимов, К. Н. К проблеме совершенствования международного сотрудничества в сфере противодействия киберпреступности / К. Н. Евдокимов, К. В. Хобонкова // Сибирский юридический вестник. – № 3(98). – 2022. – С. 90–95.
9. Информационный бюллетень БРИКС от 17 ноября 2020 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mid.ru/upload/archive/d9a551c62e00ff4323ba9b263e229790.docx> (дата обращения: 10.05.2024). – Загл. с экрана.
10. Антитеррористическая стратегия БРИКС (ноябрь 2020 года) // Президентская академия [Электронный ресурс]. – URL: [https://www.ranepa.ru/ciir/briks/predsdatelstva/briks-rossijskoe-predsdatelstvo-2020/BRICS%20COUNTER-TERRORISM%20STRATEGY%20\(rus\).pdf?utm_source=russiancouncil.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=russiancouncil.ru&utm_referrer=russiancouncil.ru](https://www.ranepa.ru/ciir/briks/predsdatelstva/briks-rossijskoe-predsdatelstvo-2020/BRICS%20COUNTER-TERRORISM%20STRATEGY%20(rus).pdf?utm_source=russiancouncil.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=russiancouncil.ru&utm_referrer=russiancouncil.ru) (дата обращения: 10.05.2024). – Загл. с экрана.

11. BRICS counter terrorism action plan (29 July 2021) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ranepa.ru/ciir/briks/predsdatelstva/briks-indiyskoe-predsdatelstvo-2021-g/BRICS%20counter%20terrorism%20action%20plan%202021.pdf> (дата обращения: 10.05.2024). – Загл. с экрана.
12. «Цифровой суверенитет» в повестке объединения БРИКС // Российский сонет по международным делам [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nkibrics.ru/posts/show/6129ff7e6272690678060000> (дата обращения: 10.05.2024). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 30.11.2023 г.

COOPERATION BETWEEN STATES TO COMBAT CYBERCRIME WITHIN THE FRAMEWORK OF REGIONAL INTERNATIONAL ORGANIZATIONS

The article examines the mechanisms of interstate interaction to combat cybercrime, implemented within the CIS, SCO, CSTO and BRICS, which made it possible to identify practical measures, the implementation of which will increase the effectiveness of countering this destructive phenomenon.

Keywords: international cooperation; cybercrime; cybersecurity; cyberattacks; information threats.

**Соловьёва Юлия
Александровна**
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
конституционного
и международного права
ФГБОУ ВО «Донецкий
государственный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: Soloveva5585@bk.ru

Solovyova Julia
Candidate of Law, Associate
Professor of the Department of
Constitutional and International
Law of Donetsk State University
DPR, Donetsk
E-mail: Soloveva5585@bk.ru

УДК 342.9

Цыба Е. В.

ПРОБЛЕМА УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ И СПОСОБЫ ЕЕ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ

В работе исследуются общие положения о средствах противодействия уклонению от уплаты налогов, а также административная ответственность за нарушение налогового законодательства в данной сфере. Обосновано, что с целью предотвращения от уклонения от уплаты налогов необходимо, с одной стороны, активизировать работу по борьбе с уклонением от уплаты налогов, а, с другой, – попытаться снизить затраты на проверки и повысить административную эффективность, тем самым способствуя снижению вероятности уклонения от уплаты налогов

Ключевые слова: налоги и сборы, уклонение от уплаты налогов и сборов, система налогообложения, противодействие уклонению.

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года особое внимание уделяется противодействию уклонению от уплаты налогов [1].

Функционирование и динамичное поступательное развитие экономики современного государства не представляется возможным без эффективно работающей системы государственных финансов. Более того, бюджетная система нередко подвергается сравнению с кровеносной системой живого организма, в контексте финансовой безопасности государства, что наиболее ярко характеризует важность данного феномена [2, с. 101].

По мнению ученых дефекты налоговой системы являются главным виновником уклонения от уплаты налогов. Поскольку налоговая система слишком сложна и громоздка, она снижает прозрачность и работоспособность, увеличивает сложность и стоимость сбора и администрирования, а также приводит при сборе и администрировании налогов. Поэтому формулировка налогового законодательства должна быть детальной и понятной.

© Цыба Е. В., 2023

Налог регламентируется как обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый в соответствующий бюджет с плательщиков налогов, в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств, в целях финансово обеспечения деятельности государства [3, с. 54].

Современная экономико-правовая наука предлагает множество определений понятия «налог», среди которых можно выделить некоторые из них. Так, А. С. Кудрявцева утверждает, что налоги – это принудительные сборы, взимаемые государством или уполномоченными им публично правовыми органами в силу верховенства права, без какого-либо эквивалента со стороны государства, на основании закона и предназначенные для покрытия общегосударственных потребностей [4, с. 188].

Ученые традиционно выделяют фискальную, регулирующую и контрольную функции налога. Отдельными исследователями выделяются также конституционная, координирующая, стимулирующая, межотраслевая, правовая внешнеэкономическая функции [5, с. 7].

Наличие в национальном законодательстве такой системообразующей нормы, как определение термина «налог», позволяет избежать проблем в правоприменительной практике, а также формирует налоговую мораль в обществе и государства.

На сегодняшний день, под функциями налога понимаются основные направления действия налога, определяемые государством и его экономическими возможностями. Вместе с тем, среди множества взглядов относительно функций налогов, в качестве основной выделяется фискальная функция, с помощью которой реализуется цель налогообложения в целом, заключающаяся в формировании и мобилизации финансовых ресурсов государства для выполнения общегосударственных или целевых программ.

Существование любого государства неразрывно связывается с действием налогов и функционированием налоговой системы в целом, за счет которой обеспечиваются нужды государственного аппарата, армии и прочих важней сфер государственной политики [6, с. 10].

Обязанность по уплате законно установленных налогов, сборов и иных обязательных платежей установлена в конституциях практически всех современных государств, что в совокупности составляет налоговую систему.

Налоговая система государства представляется немыслимой без соответствующей системы уполномоченных органов государственной власти, осуществляющих непосредственно администрирование налогов, сборов и иных обязательных платежей, а также реализующих политику в сфере налогообложения в целом.

Обязательный характер налогообложения, а также его системообразующая роль в формировании государственного бюджета нередко воспринимаются налогоплательщиками как способ обогащения и экономическое насилие со стороны государства [7, с. 56].

Такая позиция к налоговой политике государства неизбежно влечет возникновение конфликтных явлений в системе налоговых отношений, которые имеют различные определения: минимизация налогов, обход налогов, уклонение от налогов, налоговая оптимизация, налоговое планирование.

Наиболее характерным для современных субъектов предпринимательства является уклонение от уплаты налогов, которое, в свою очередь, предполагает полную или частичную неуплату физическим лицом или субъектом предпринимательской деятельности установленного законом налога.

В качестве причин уклонения от уплаты налогов в экономико-правовой науке традиционно выделяются:

1) экономические:

– кризисные явления в экономике государства, ухудшающие финансовое положение субъектов предпринимательства и общества в целом;

2) политические:

– нестабильность и громоздкость законодательства о налогообложении;

3) организационные:

– недостаток механизмов взаимодействия между законодательными органами, органами доходов и сборов, органами внутренних дел и иными контролирующими органами;

4) технические:

– некорректное использование форм и методов налогового контроля (наложение излишних штрафных санкций, незаконное привлечение налогоплательщиков к административной или уголовной ответственности);

5) нравственно-психологические (факторы налоговой морали):

– негативное отношение к деятельности органов доходов и сборов со стороны налогоплательщиков с низким уровнем налоговой морали, характеризующимся искаженным пониманием сущности налоговой системы и политики в государстве;

– недобросовестность и корыстные мотивы отдельных налогоплательщиков [8, с. 159].

Помимо указанных причин, некоторые авторы выделяют цивилистические причины уклонения от уплаты налогов, которые составляют правовой нигилизм в общественном правосознании и практические полное отсутствие налоговой культуры в обществе, которая в настоящее время представляет особый интерес и является одной из наименее изученных областей налогового права. Причем, налоговая культура, являясь одной из разновидностей правовой культуры, определяется как фактор достижения правовой.

В свою очередь, некриминальное уклонение от уплаты налогов предполагает уголовно не наказуемое действие или бездействие налогоплательщика, направленное на избежание или снижение налоговой базы, в результате нарушения законодательства о налогообложении, которое влечет за собой применение к такому налогоплательщику штрафных (финансовых) санкций в административном отражении операций в бухгалтерском и налоговом учете; неправильное или фиктивное заключение сделок и др.).

Многообразие способов уклонения от уплаты налогов сводится к следующим группам:

(осуществление сделок без документального оформления и т.д.);

2) неправомерное использование изъятий и скидок (отнесение к расходам затрат, не предусмотренных налоговым законодательством и т.д.);

1) некорректное отражение результатов предпринимательской деятельности в документах бухгалтерского и налогового учета

4) искажение объекта налогообложения (занижение объема или стоимости реализованной продукции, работ, услуг; фиктивный бартер и др.);

3) искажение экономических показателей предпринимательской деятельности, которые позволяют уменьшить базу налогообложения (завышение стоимости приобретенного сырья и т.д.);

При этом, стоит отметить, что уклонение от уплаты налогов может иметь признаки как уголовно-наказуемого деяния, так и некриминального способа уклонения от уплаты налогов [9, с. 159].

В то же время следует признать, что некоторым налогоплательщикам не хватает юридических знаний, они не могут эффективно реагировать и упускают возможность своевременно устранить проблемы, связанные с неуплатой налогов.

Поэтому предприятиям важно укрепить построение существующей системы комплаенс и усилить меры по выявлению рисков в области налогообложения, например, при осуществлении нестандартных операций с фондами, и несоответствий в счетах-фактурах. Контроль рисков включает также меры по контролю дополнений и исключений предмета контрактов в процессе выполнения контракта. Усиление контроля комплаенс-рисков, формирование эффективной и действенной системы обнаружения рисков, повышение осведомленности о соблюдении требований к налогообложению на предприятии, и постепенное создание культуры соблюдения требований в налоговой сфере, являются ключевыми факторами, способствующими снижению количества правонарушений в сфере налогообложения..

После возникновения налоговой проблемы на этапе проверки предприятию следует активно взаимодействовать с компетентными налоговыми органами, подготовить достаточные факты, причины и профессиональные мнения, а также активно объяснять, что имеет место обычная деятельность, требований по уплате налогов соблюдаются, а противоправного поведения нет.; В случае незаконных действий по неоплате налогов, вызванных халатностью или ошибкой, необходимо активно их исправлять, как можно скорее выплачивать налоги и пени за просрочку платежа, возмещать национальные налоговые потери и своевременно исправлять незаконные действия. В случае совершения действий, которые незначительны и не имеют субъективного намерения, риск привлечения субъектов налогообложения к ответственности будет значительно уменьшен.

Налогоплательщики, которые без разрешения подделывают, изменяют, скрывают или уничтожают бухгалтерские книги и бухгалтерские документы, завышают расходы, пропускают или занижают доходы в бухгалтерских книгах, отказываются декларировать налоги или предоставляют ложные налоговые декларации после получения уведомления от налоговой службы. совершают правонарушения, связанные с уклонением от уплаты налогов.

К распространенным налоговым уголовным рискам относятся ложное выставление счетов-фактур и специальных счетов-фактур по

НДС, уклонение от уплаты различных видов налогов, мошенничество при возврате экспортного налога и т. д. [10, с. 215].

Любое лицо, совершившее незаконное деяние, однако уплатило причитающийся налог и пени за просрочку после выдачи налоговым органом уведомления о взыскании в соответствии с законом и подверглось административному наказанию уголовной ответственности не подлежит.

Проблема уклонения от уплаты налогов по сути своей увеличивающей оборот незаконно полученных денежных средств, а, следовательно, и масштаб теневой экономики, причиняло тем самым значительный ущерб бюджетной системе, которая в результате указанных процессов лишается возможности финансирования социально значимых государственных программ. Указанными обстоятельствами обусловлено пристальное внимание по отношению к государственной налоговой политике, в рамках которой законодатель стремится расширить и укрепить нормативную правовую базу для эффективной борьбы с налоговыми правонарушениями в целом и уклонением от уплаты налогов в частности.

Если налогоплательщик уклоняется от уплаты налогов, и после того, как налоговые органы выдали уведомление о взыскании в соответствии с НК РФ, налогоплательщик должен уплатить причитающийся налог и пени за просрочку платежа. В деле № 3456/32 ответчик не получил и не знал о письме о решении налогового органа о доначислении пени, поскольку находился под стражей. Таким образом, ответчик не уплатил налог в установленный срок только по данной причине. Первоначально суд приговорил его к совершению правонарушения в связи с уклонением от уплаты налогов. Впоследствии суд выяснил, что произошла юридическая ошибка, и суд указал новый срок для уплаты налогового платежа.

Важно предотвратить уклонение от уплаты налогов, которое трудно исправить, если период уклонения от уплаты налогов короткий из-за короткого периода задолженности по уплате налогов. Если налогоплательщик уклоняется от уплаты налогов и налоговые органы не выдают ему уведомление о взыскании в соответствии с законом, он не подлежит привлечению к ответственности в соответствии с законом. Это положение с одной стороны направлено на то, чтобы побудить налоговые органы и налоговых работников своевременно расследовать и устранять налоговые правонарушения, а с другой стороны, если

налоговые органы выдадут предписание о взыскании в соответствии с законодательством и непосредственно передают дело в суд, налогоплательщик будет лишен права корректировать свое поведение при уплате налогов.

Например, в решении № 345/ 2019) было указано, что прямой доступ следственного органа без прохождения административных процедур несовместим с законодательством.

Подводя итог, можно сказать, что уклонение от уплаты налогов не только незаконно, но и подозревается в преступлении и подрывает национальную систему налогового управления. Чтобы этого не произошло, необходимо принять полный набор управленческих мер, включая совершенствование законов и правил, усиление усилий по сбору налогов и создание совместной группы налоговых ведомств и органов общественной безопасности для усиления борьбы с уклонением от уплаты налогов и уклонением от уплаты налогов.

Как правило, административные органы сначала расследуют факты незаконной деятельности предприятия, связанные с неуплатой налогов. Если в ходе расследования и рассмотрения дел, налоговые органы выявят факт противоправной деятельности предприятия, связанной с налогообложением, они должны вынести соответствующее решение в виде акта.

Другими словами, административные дела, связанные с неуплатой налогов, являются поводом для возбуждения административных или уголовных дел, связанных с налогами, но если налогоплательщик будет активно реагировать и надлежащим образом реагировать на соответствующее предписание налогового органа, риск привлечения к уголовной ответственности можно минимизировать.

Таким образом, проблема уклонения от уплаты налогов в значительной мере провоцирует нарушение устойчивости бюджетной политики государства, в результате которого государство не имеет объективной возможности финансирования социально значимых социальных программ.

Существует целый ряд экономических, социальных и правовых факторов, способствующих уклонению от уплаты налогов, а, следовательно, и необходимости поиска методов противодействия. При этом, несмотря на существование множества методов, призванных минимизировать последствия данного явления, единая позиция относительно наиболее эффективного ее решения, на сегодняшний день, отсутствует.

С целью предотвращения от уклонения от уплаты налогов необходимо, с одной стороны, активизировать работу по борьбе с уклонением от уплаты налогов, а, с другой, – попытаться снизить затраты на проверки и повысить административную эффективность, тем самым подавляя рост вероятности уклонения от уплаты налогов и повышая авторитет налогового законодательства и налоговых органов.

Список источников

1. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 // Российская газета. – 2017. – 15 мая.
2. Сынкова, Е. М. Проблема потерь бюджета от предоставления налоговых льгот по налогу на прибыль предприятий / Е. М. Сынкова, Л. С. Насирова // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы VI Международной научной конференции, Донецк, 26–28 октября 2021 года / под общ. ред. С. В. Беспаловой. Том 9. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2021. – С. 100–102.
3. Козловских, Н. В. Принципы налогообложения: теория и практика / Н. В. Козловских, А. С. Козловских // Евразийский союз ученых. – 2016. – № 3-1(24). – С. 63–66.
4. Кулявцева, А. С. Причины уклонения от уплаты налогов и способы борьбы с ними / А. С. Кулявцева // Актуальные вопросы валютного контроля в современных условиях. – Саратов, 2017. – С. 188–189.
5. Сидорова, А. В. Становление и развитие понятия «налог» / А. В. Сидорова, Т. С. Черевиченко // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2017. – Т. 2, № 1. – С. 5–11.
6. Акаева, Н. Г. Некоторые проблемы освобождения от уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов / Н. Г. Акаева // Вестник научных конференций. – 2020. – № 11-4(63). – С. 10–12.
7. Меметов, А. С. Условия освобождения от ответственности за уклонение от уплаты налогов / А. С. Меметов // Развитие современной юриспруденции: актуальные вопросы теории и практики : сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 сентября 2021 года. – Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. – С. 56–59.
8. Гришко, Ю. С. Проблема уклонения от уплаты налогов в России / Ю. С. Гришко // Актуальные вопросы совершенствования бухгалтерского учета, статистики и налогообложения организаций : Материалы IX международной научно-практической конференции, Тамбов, 17 февраля 2020 года / научный редактор Н. В. Черемисина. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2020. – С. 159–164.

9. Вингерт, А. Е. Уклонение физического лица от уплаты налога или страхового взноса / А. Е. Вингерт // Современные проблемы юридической науки : Материалы XVII Международной научно-практической конференции молодых исследователей, Челябинск, 22–23 апреля 2021 года. – Челябинск : Южно-Уральский государственный университет, 2021. – С. 143–145.
10. Вальтер, А. В. Актуальные вопросы уклонения от уплаты налогов в эпоху глобализации и цифровизации / А. В. Вальтер // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. – 2020. – Т. 12, № 1. – С. 215–220.

Поступила в редакцию 30.11.2023 г.

THE PROBLEM OF TAX EVADATION AND WAYS TO PREVENT IT

The work examines general provisions on means of combating tax evasion, as well as administrative liability for violation of tax legislation in this area. It is substantiated that in order to prevent tax evasion, it is necessary, on the one hand, to intensify work to combat tax evasion, and, on the other hand, to try to reduce the costs of audits and increase administrative efficiency, thereby helping to reduce the likelihood of tax evasion paying taxes.

Keywords: taxes and fees, evasion of taxes and fees, taxation system, counteraction to evasion.

Цыба Евгений Владимирович
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры
административного
и финансового права
ФГБОУ ВО «Донецкий
государственный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: kf.admfinpr@donnu.ru

Tsyba Evgeniy
Associate Professor of the
Department of Administrative and
Financial Law of Donetsk State
University
DPR, Donetsk
E-mail: kf.admfinpr@donnu.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. В печать принимаются научные статьи на русском и английском языках, которые имеют необходимые элементы:

 постановка проблемы в общем виде и её связь с важнейшими научными и практическими задачами;

 анализ последних достижений и публикаций, в которых рассмотрена данная проблема и на которые ссылается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, на решение которых направлена данная статья;

 формулирование цели и постановка задач;

 изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;

 выводы из этого исследования и перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

2. Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт., с выравниванием по ширине. Аннотация (до 500 знаков с пробелами; ориентировочно 10 строк), ключевые слова (не менее 5), список литературы, таблицы, подрисуночные подписи – шрифт Times New Roman, размер 12 пт. Без автоматической расстановки переносов. Таблицы располагаются по тексту строго в пределах печатного поля книжной ориентации страниц после первого упоминания. Каждый рисунок имеет подпись (не совмещенную с рисунком), а таблица – заглавие (выравнивание – по центру). Все рисунки и таблицы должны быть последовательно пронумерованы арабскими цифрами. Сканированные рисунки не принимаются. При наличии рисунков и таблиц их необходимо предоставлять в отдельном файле с возможностью редактирования.

3. Объем статьи — 7–10 страниц печатного текста формата А4. Поля: левое – 3,0 см, нижнее – 1,5 см, правое – 1,5 см, верхнее – 2,0 см. Междустрочный интервал – полуторный. Абзацный отступ – 1,25 см.

4. Текст рукописи должен соответствовать следующей структурной схеме:

 – Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (14 кегль, без абзацного отступа).

 – НАЗВАНИЕ статьи — полужирный, выравнивание по центру без абзацного отступа (прописными буквами без переноса слов, 14 кегль);

– Через строчку: аннотация на русском языке, которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты и ключевые слова. Таким же образом оформленные аннотация и ключевые на английском языке (12 кегль, абзацный отступ 1,25, выравнивание по формату, одинарный интервал);

– В конце статьи копирайт ©, фамилия и инициалы автора(ов), год (12 кегль, выравнивание по правому краю);

– Словосочетание СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (полужирный, все прописные, 12 кегль без абзацного отступа с выключкой по левому краю). Перечень литературных источников (СПИСОК ИСТОЧНИКОВ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке появления ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала и оформленные в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание». Ссылка на источник дается в тексте статьи и оформляется в квадратных скобках ([5, с. 22]). Ссылки допускаются только на опубликованные работы по исследуемому вопросу. Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

5. В конце статьи обязательно указываются следующие сведения об авторах: фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (на русском и английском языке); ученая степень и звание (на русском и английском языке); полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языке); адрес электронной почты каждого автора и телефон для контактов.

6. Текст статьи должен быть тщательно выверен, без орфографических ошибок. Сокращения слов, кроме общепринятых, не допускаются или обязательно даётся их расшифровка.

7. Если статья подается на английском языке, то прилагается её русский вариант.

8. Аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений. К статье в обязательном порядке прилагается отчет о проверке научной работы на уникальность и поиск заимствований.

10. Рукопись проходит независимое анонимное рецензирование специалистами на предмет научной ценности статьи, её соответствия профилю и требованиям журнала. По рекомендации рецензентов редколлегии принимает решение о возможности и условиях опубликования статьи.

11. Публикация статей в журнале бесплатная.

Научное издание

**Вестник Донецкого национального
университета.
Серия Е: Юридические науки**

2023. – № 1

Технический редактор: А. К. Ярошенко

Адрес редакции:
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк
Тел.: +7(949) 36-707-35
E-mail: redact@donnu.ru
URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

Подписано в печать 15.12.2023 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 10,7.
Тираж 100 экз.